Копія

47

4 50609

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ,

которымъ предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, съ участіемъ сословныхъ представителей, дворяне: Александръ Дмитріевъ **Михайловъ**, 25-ти лѣтъ, Николай Ивановъ **Колодкевичъ**, 31-го года, Михаилъ Николаевъ **Тригони**, 30-ти лѣтъ, Александръ Ивановъ **Баранниковъ**, 23-хъ лѣтъ, отставной Флота Лейтенантъ Николай Евгеньевъ **Сухановъ**, 29-ти лѣтъ, отставной Прапорщикъ Фердинандъ Осиповъ **Люстигъ**, 27-ми лѣтъ, отставной Коллежскій Регистраторъ Николай Васильевъ **Клѣточниковъ**, 34-хъ лѣтъ, сынъ фельдфебеля Михаилъ Федоровъ **Фроленко**, 33-хъ лѣтъ, сынъ почтальона Григорій Прокофьевъ **Исаевъ**, 24-хъ лѣтъ, сынъ псаломщика Иванъ Пантелеймоновъ **Емельяновъ**, 20-ти лѣтъ, сынъ діакона Петръ Васильевъ **Тычининъ**, 26-ти лѣтъ, купеческій сынъ Григорій Михайловъ **Фриденсонъ**, 26-ти лѣтъ, солдатскій сынъ Василій Аполлоновъ **Меркуловъ**, 21-го года, мѣщане: Левъ Соломоновъ **Златопольскій**, 33-хъ лѣтъ, Айзикъ Борисовъ **Арончикъ**, 22-хъ лѣтъ, Макаръ Васильевъ **Тетерка**, 28-ми лѣтъ, Николай Александровъ **Морозовъ**, 26-ти лѣтъ, Прусскій подданный Мартынъ Рудольфовъ **Лангансъ**, 29-ти лѣтъ, дворянка Елизавета Николаева **Оловенникова**, 23-хъ лѣтъ, дочь Титулярнаго Совѣтника Людмила Дементьева **Терентьева**, 20-ти лѣтъ, дочь Коллежскаго Совѣтника Татьяна Иванова **Лебедева**, 29-ти лѣтъ и дочь священника Анна Васильева **Якимова**, 26-ти лѣтъ, обвиняемые въ государственныхъ преступленіяхъ.

Въ концѣ Ноября 1880 г. въ С.-Петербургѣ возникло дознаніе о лицахъ, принадлежащихъ къ такъ называемой террористической фракціи тайнаго сообщества, именующаго себя «русской соціально-революціонной партіей.» Дознаніе это, оконченное въ Октябрѣ 1881 года, обнаружило главнѣйшихъ преступныхъ дѣятелей означенной фракціи, не вошедшихъ въ число ея участниковъ, осужденныхъ въ Октябрѣ 1880 года С.-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ по дѣлу о 16-ти лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ и въ Мартѣ 1881 года по дѣлу о злодѣяніи 1 Марта, жертвою котораго палъ въ Бозѣ почившій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ. При этомъ разслѣдованіемъ была выяснена виновность привлеченныхъ къ дознанію *двадцати двухъ* нижепоименованныхъ лицъ въ совершеніи, для достиженія цѣлей названнаго преступнаго сообщества, ряда посягательствъ на жизнь Священной Особы почившаго Монарха и другихъ преступленій революціоннаго характера, уже бывшихъ предметомъ судебнаго разсмотрѣнія по вышеупомянутымъ дѣламъ, а также и нѣкоторыхъ вновь раскрытыхъ преступныхъ дѣяній того же значенія.

Обстоятельства преступленій, совершенныхъ обвиняемыми и данныя, служащія къ ихъ изобличенію, распредѣляются, по своему содержанію, въ нижеслѣдующихъ четырнадцати отдѣлахъ настоящаго обвинительнаго акта.

I.

Предметы обвиненій.—Послѣдовательное обнаруженіе обвиняемыхъ.

При изслѣдованіи названнаго выше дѣла о 16 лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, и дѣла о злодѣяніи 1 Марта 1881 года, оказалось, что до происходившаго лѣтомъ 1879 года въ гор. Липецкѣ, Тамбовской губерніи, общаго съѣзда членовъ такъ называемой »соціально-революціонной партіи« непосредственная политическая борьба съ правительствомъ, а въ частности покушенія на цареубійство и террористическія дѣйствія не составляла прямой и опредѣленной задачи означеннаго сообщества, которое, усвоивъ въ то время такъ называемую »народническую« организацію, поставило себѣ задачею постепенно подготовлять народъ къ соціальному и главнымъ образомъ, экономическому перевороту. Тѣмъ не менѣе, послѣдній періодъ преступной дѣятельности «народниковъ», относящійся къ 1878 году, и первой половинѣ 1879 года, былъ отмѣченъ нѣкоторыми террористическими фактами, которые однако-же явились лишь результатомъ единичной рѣшимости отдѣльныхъ лицъ или кружковъ, принадлежавшихъ къ «городской» (въ отличіе отъ «деревенской») группѣ агитаторовъ, назвавшей себя »исполнительнымъ комитетомъ«. Такое значеніе имѣли, между прочимъ, убійство 4-го Августа 1878 года Шефа Жандармовъ Генералъ-Адъютанта Мезенцова и совершенное 2 Апрѣля 1879 года нынѣ казненнымъ государственнымъ преступникомъ Александромъ Соловьевымъ покушеніе на жизнь Священной Особы въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Появленіе въ средѣ членовъ преступнаго сообщества указаннаго террористическаго направленія, выдвигавшаго на первый планъ вопросъ о необходимости политической борьбы съ существующимъ государственнымъ строемъ, привело послѣ Липецкаго съѣзда къ выдѣленію изъ сообщества, т. е. изъ прежней »народнической« его организаціи, особой »террористической« фракціи, участники которой, принявъ впослѣдствіи наименованіе »партіи народной воли,« согласились между собою стремиться къ совершенію въ ближайшемъ будущемъ насильственнаго переворота. Главнымъ же средствомъ къ достиженію этой цѣли присутствовавшими на съѣздѣ злоумышленниками было признано систематическое повтореніе, съ помощью взрывчатыхъ веществъ, посягательства на цареубійство, до тѣхъ поръ, пока этотъ злодѣйскій умыселъ не будетъ удачно приведенъ въ исполненіе.

Изъ объясненій нынѣ умершаго обвиняемаго Гольденберга, а отчасти и изъ показаній государственныхъ преступниковъ Степана Ширяева и нынѣ казненнаго Александра Квятковскаго видно, что на Липецкомъ съѣздѣ была проектирована и опредѣленная организація террористической фракціи или »партіи народной воли.« Во главѣ этой организаціи должны были стоять »распорядительная коммиссія« и »исполнительный комитетъ«. При нѣкоторомъ первенствѣ первой изъ этихъ двухъ группъ, между ними не предполагалось ни отношенія прямой подчиненности, ни строгаго разграниченія функцій. »Распорядительная коммиссія«, имѣвшая значеніе центральнаго революціоннаго бюро, съ мѣстопребываніемъ въ С.-Петербургѣ, должна была знать все происходящее въ партіи и завѣдывать всѣми средствами для исполненія революціонныхъ предпріятій, которыя могли совершаться не иначе, какъ съ ея вѣдома и преимущественно по ея иниціативѣ. Самое же совершеніе этихъ предпріятій и вообще вся активная политическая борьба возлагалась на обязанность »исполнительнаго комитета«, члены котораго должны были проживать тамъ, гдѣ укажетъ надобность. Кромѣ »коммиссіи« и »комитета« въ организаціи состояла еще редакція издаваемаго сообществомъ органа тайной печати подъ заглавіемъ »Народная Воля« и агенты для исполненія отдѣльныхъ порученій, раздѣлявшіеся на агентовъ 1 степени, съ »большимъ« и агентовъ 2 степени съ »меньшимъ довѣріемъ.« По словамъ Гольденберга на Липецкомъ съѣздѣ были избраны, между прочимъ, въ число трехъ членовъ „распорядительной коммиссіи“ Александръ Михайловъ и Михаилъ Фроленко, редакторомъ періодическаго органа Николай Морозовъ, а въ составъ 30 членовъ „исполнительнаго комитета“ вошли, между прочимъ: Николай Морозовъ, Николай Колодкевичъ и Анна Якимова, изъ которыхъ послѣдняя примкнула къ »комитету« уже послѣ Липецкаго съѣзда. (Дѣло о 16-ти лицахъ т. I л. 16, 18, 29, 395—403, 404—413).

По даннымъ, обнаруженнымъ разслѣдованіемъ, произведеннымъ въ гор. Липецкѣ, въ томъ числѣ и допросами обывателей этого города, оказывается, что въ Іюнѣ 1879 г. въ Липецкѣ одновременно находились, между прочимъ, Желябовъ, подъ фамиліею Чернявскаго, проживавшій вмѣстѣ съ нимъ на одномъ постояломъ дворѣ Александръ Михайловъ, подъ фамиліею Безмѣнова, и Баранниковъ, подъ фамиліею Кошурникова.

Лѣтомъ того же 1879 года, нѣсколько раньше происходившаго въ Липецкѣ Съѣзда многихъ членовъ сообщества, другіе члены его, съ цѣлью пріобрѣтенія необходимыхъ для преступной дѣятельности сообщества денегъ, похитили изъ Херсонскаго Губернскаго Казначейства, посредствомъ подкопа, около 1½ милліона рублей, большая часть которыхъ была вскорѣ розыскана, а главные виновники кражи осуждены Кіевскимъ и Одесскимъ Военно-Окружными Судами.

Осенью 1879 года, во исполненіе соглашенія, состоявшагося на Липецкомъ съѣздѣ, злоумышленники, въ виду ожидавшагося проѣзда въ Бозѣ почившаго Государя Императора съ Южнаго берега Крыма въ Петербургъ, предприняли приготовленія къ совершенію цареубійства, на линіи Одесской желѣзной дороги, близъ гор. Одессы, а затѣмъ совершили, при слѣдованіи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, неудавшіяся покушенія на Священную жизнь ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА 18 Ноября, на линіи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи, и 19 того же Ноября, на линіи Московско-Курской желѣзной дороги, близъ гор. Москвы. 5 Февраля 1880 года таковое же покушеніе было совершено въ С.-Петербургѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ.—По надлежащемъ выясненіи упомянутыхъ событій, преимущественно съ помощью подробныхъ разоблаченій, сдѣланныхъ обвиняемымъ Гольденбергомъ, одни изъ участниковъ этихъ преступленій были осуждены, въ числѣ 16-ти лицъ, С.-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ, другіе же до конца 1880 и начала 1881 г.г. оставались не розысканными.

При возникновеніи въ Ноябрѣ 1880 года настоящаго дѣла по поводу задержанія въ С.-Петербургѣ Александра Михайлова, обстоятельства этого задержанія указали на продолжающіяся, преимущественно среди лицъ уже извѣстныхъ и розыскиваемыхъ по прежнимъ дѣламъ, приготовленія къ совершенію вновь посягательства на цареубійство. Приготовленія эти завершились злодѣяніемъ 1 Марта 1881 года, изслѣдованіе котораго обнаружило указанія на виновность въ означенномъ злодѣяніи, кромѣ ближайшихъ виновниковъ его, осужденныхъ Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената, еще другихъ лицъ, привлеченныхъ къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ. Изъ числа этихъ послѣднихъ нѣкоторые, участвовавшіе въ предварительномъ соглашеніи на злодѣяніе и въ приготовленіяхъ къ нему, были задержаны не задолго до 1-го Марта, а остальные арестованы и изобличены впослѣдствіи. Кромѣ того, разслѣдованіе преступной дѣятельности тѣхъ и другихъ выяснило такія ея проявленія, которыя еще не были раскрыты до этого времени, а именно приготовленія къ цареубійству, совершенныя: въ Одессѣ весной 1880 года и въ С.-Петербургѣ лѣтомъ того же года и, относящееся къ концу 1880 года и началу 1881 года покушеніе на кражу изъ Кишиневскаго Губернскаго Казначейства. Вмѣстѣ съ тѣмъ тоже разслѣдованіе обнаружило дѣятельное и, для цѣлей преступнаго революціоннаго сообщества, весьма существенное содѣйствіе его предпріятіямъ, оказанное лицами, хотя въ нихъ прямо и не участвовавшими, но достаточно изобличенными въ принадлежности къ упомянутому сообществу. Такими лицами были обвиняемые Николай Клѣточниковъ и Фердинандъ Люстигъ во время пребыванія своего въ С.-Петербургѣ въ 1879 и 1880 годахъ.

Обнаруженіе и задержаніе привлеченныхъ къ настоящему дѣлу обвиняемыхъ послѣдовало при изложенныхъ ниже обстоятельствахъ:

28-го Ноября 1880 г., въ С.-Петербургѣ, былъ задержанъ дворянинъ Александръ Дмитріевъ **Михайловъ** по выходѣ изъ фотографіи Александровскаго на Невскомъ проспектѣ, гдѣ онъ, также какъ и въ нѣсколькихъ другихъ фотографіяхъ, заказывалъ въ значительномъ количествѣ экземпляровъ фотографическіе снимки 16-ти государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ С.-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ. По обыску у Михайлова, проживавшаго по подложному виду на имя отставнаго поручика

Поливанова, было найдено около 2 пудовъ динамита, а также разныя революціонныя изданія тайнаго сообщества, называющаго себя »партіей народной воли.«

Въ концѣ Января 1881 года полицейскіе розыски обнаружили, что участниками этого сообщества были наняты въ С.-Петербургѣ двѣ такъ называемыя »конспиративныя« квартиры, изъ которыхъ въ одной, на Большой Подъяческой улицѣ, домъ № 37, кв № 27, происходило приготовленіе динамита для задуманнаго членами сообщества злодѣянія, а въ другой, на Подольской улицѣ, домъ № 11 кв. № 21, помѣщалась тайная типографія революціоннаго изданія »Народная Воля.« При открытіи и осмотрѣ означенныхъ квартиръ оказалось, что онѣ уже оставлены своими жильцами.

24-го Января 1881 года тѣми же розысками обнаружено, что по Казанской улицѣ, въ домѣ № 38, кв. № 18, проживаетъ неизвѣстное лицо подъ тою же фамиліею Агаческулова, подъ которою былъ записанъ жилецъ вышеупомянутой »конспиративной« квартиры № 21, въ домѣ № 11, по Подольской улицѣ. По задержаніи этого неизвѣстнаго, съ производствомъ у него обыска, по которому найдены разныя противоправительственныя изданія, онъ оказался купеческимъ сыномъ Григоріемъ Михайловымъ **Фриденсономъ**.

Посредствомъ учрежденнаго за его квартирою особаго секретнаго наблюденія, 25-го Января былъ арестованъ пришедшій къ Фриденсону неизвѣстный человѣкъ, назвавшій себя при задержаніи Алафузовымъ, а въ дѣйствительности оказавшійся дворяниномъ Александромъ Ивановымъ **Баранниковымъ**, который розыскивался по обвиненію въ участіи въ убійствѣ Генералъ-Адьютанта Мезенцова и другихъ преступленіяхъ.

Посредствомъ такого же секретнаго наблюденія за квартирою Баранникова, а за тѣмъ и за всѣми другими квартирами, въ которыхъ производились послѣдовательные обыски и аресты, были задержаны: 26 Января, въ квартирѣ Баранникова, дворянинъ Николай Николаевъ **Колодкевичъ**, а въ квартирѣ этого послѣдняго, 28 Января—чиновникъ Департамента Государственной Полиціи Николай Васильевъ **Клѣточниковъ** и 29 Января мѣщанинъ Левъ Соломоновъ **Златопольскій**.

При производствѣ дальнѣйшихъ розысковъ были получены свѣдѣнія о томъ, что однимъ изъ наиболѣе выдающихся руководителей преступной дѣятельности сообщества является нынѣ казненный государственный преступникъ Андрей Желябовъ, въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ которымъ находится лицо, пользующееся большимъ вліяніемъ среди революціонеровъ, которое носитъ прозвища „Милорда“ и „Намѣстника“ и проживаетъ „легально“, т. е. подъ своею настоящею фамиліею.

Означенные розыски, направленные къ задержанію Желябова и „Милорда„, имѣли первоначальнымъ результатомъ арестъ 28-го Января лица, котораго Желябовъ и его сообщники снабдили пріобрѣтенными на средства сообщества лошадью и санями и которое должно было въ качествѣ легковаго извощика содѣйствовать исполненію ихъ преступнаго замысла; лицомъ этимъ оказался проживавшій въ С.-Петербургѣ подъ фамиліею Веселовскаго (онъ же Березовъ) мѣщанинъ Макаръ Васильевъ **Тетерка**.

27-го Февраля розыски „Милорда“ и Желябова увѣнчались успѣхомъ. Первый, оказавшійся дворяниномъ Михаиломъ Николаевымъ **Тригони**, былъ арестованъ въ своей квартирѣ по Невскому проспекту, домъ № 66, кв. № 12, а въ тотъ же день задержанъ явившійся въ квартиру Тригони Андрей Желябовъ.

Того же 27 Февраля въ квартирѣ Тетерки былъ задержанъ, пришедшій къ нему его соучастникъ, солдатскій сынъ Василій Аполлоновъ **Меркуловъ**, проживавшій въ С.-Петербургѣ подъ фамиліею Яковенко.

Что же касается до задержанія остальныхъ обвиняемыхъ, то таковое послѣдовало уже послѣ 1-го Марта, преимущественно по указаніямъ, сдѣланнымъ казненнымъ государственнымъ преступникомъ Рысаковымъ въ его подробныхъ и согласныхъ съ обстоятельствами дѣла объясненіяхъ.

Такъ показаніе Рысакова о томъ, что для успѣшнаго совершенія цареубійства въ С.-Петербургѣ былъ сформированъ небольшой кружокъ лицъ, которыя, подъ ближайшимъ руководствомъ казненной нынѣ государственной преступницы Софьи Перовской, постоянно наблюдали за выѣздами въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА изъ Зимняго Дворца, имѣло послѣдствіемъ розыски и задержаніе означенныхъ лицъ, которыми оказались сынъ діакона Петръ Васильевъ **Тычининъ**, дворянка Елизавета Николаева **Оловенникова** и дворянинъ Аркадій Владиміровъ **Тырковъ**.

Затѣмъ основаніемъ для розысковъ послужили объясненія Рысакова о томъ, что между организаторами злодѣянія 1-го Марта онъ встрѣчалъ человѣка, извѣстнаго ему подъ именемъ »Григорія,« въ которомъ всегда предполагалъ техника и помощника казненнаго нынѣ государственнаго преступника Кибальчича по изготовленію метательныхъ снарядовъ. По словамъ Рысакова, онъ, по порученію этого »Григорія«. въ Декабрѣ 1880 г. перевозилъ типографскій станокъ съ вокзала Николаевской желѣзной дороги въ указанную ему квартиру по Большой Садовой улицѣ, въ д. № 69.—По розысканіи и задержаніи »Григорія« и хозяина упомянутой квартиры, оказалось, что первый изъ нихъ—проживавшій подъ фамиліей Кохановскаго, сынъ почтальона Григорій Прокофьевъ **Исаевъ**, а второй—отставной прапорщикъ Фердинандъ Осиповъ **Люстигъ**.

На ряду съ вышеуказанными результатами розысковъ было установлено, что неизвѣстный человѣкъ, задержанный подъ фамиліею Лакіера въ Январѣ 1881 г. въ Сувалкской губерніи—по переходѣ границы, есть принадлежащій къ террористической фракціи мѣщанинъ Николай Александровъ **Морозовъ**.

Далѣе въ періодъ времени съ Марта по Іюнь 1881 года тѣ же розыски привели къ послѣдовательному задержанію участниковъ вышеозначенной фракціи: въ С.-Петербургѣ—сына псаломщика Ивана Пантелеймонова **Емельянова**, Флота Лейтенанта Николая Евгеньева **Суханова** и дворянки Людмилы Дементьевой **Терентьевой** и въ Кіевѣ—дочери священника Анны Васильевой **Якимовой** и Прусскаго подданнаго Мартына Рудольфова **Ланганса**.

Наконецъ 3 Сентября 1881 г. рядъ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу закончился арестомъ, на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги, намѣревавшейся уѣхать въ Москву съ отходившимъ поѣздомъ дочери Коллежскаго Совѣтника Татьяны Ивановой **Лебедевой**, которая розыскивалась по обвиненію въ принадлежности къ террористической фракціи.

Изслѣдованіе обвиненій, предъявляемыхъ къ обнаруженнымъ такимъ образомъ обвиняемымъ, установило, что обвиненія эти, сверхъ факта принадлежности обвиняемыхъ къ террористическому сообществу, имѣютъ предметомъ еще отдѣльныя, совершенныя для достиженія цѣлей означеннаго сообщества преступленія, событія которыхъ, въ ихъ хронологической послѣдовательности. относятся, какъ изложено ниже, къ періоду времени съ 4 Августа 1878 г. по 1-е Марта 1881 года.

II.

Убійство Шефа Жандармовъ. Генералъ-Адъютанта Мезенцова, 4 Августа 1878 года.

4-го Августа 1878 года, въ 9 часовъ 10 минутъ утра, бывшій Шефъ Жандармовъ, Генералъ-Адъютантъ Мезенцовъ, возвращаясь съ утренней прогулки въ сопровожденіи Подполковника Макарова, на Михайловской площади, близъ дома Кочкурова, былъ встрѣченъ неизвѣстнымъ, который нанесъ ему кинжаломъ рану въ полость живота. Истекая кровью, Генералъ Мезенцовъ былъ привезенъ домой и въ 5 часовъ 10 мин. по полудни скончался. Нанесенная ему рана оказалась безусловно смертельною, проникавшею чрезъ печень и заднюю стѣнку желудка (т. I л. 1—4, 11, 17 и 30).

При преслѣдованіи Подполковникомъ Макаровымъ убійцы, быстро скрывшагося за угломъ площади и убѣгавшаго по Большой Итальянской улицѣ, другой неизвѣстный выстрѣлилъ въ Подполковника Макарова изъ револьвера и хотя промахнулся, но вслѣдствіе происшедшаго отъ выстрѣла замѣшательства, оба злоумышленника успѣли вскочить въ дожидавшуюся ихъ у кондитерской Кочкурова пролетку на лежачихъ рессорахъ запряженную вороною лошадью и скрылись по направленію къ Большой Садовой улицѣ, при чемъ свидѣтель Платонъ Матвѣевъ, догоняя уѣзжавшихъ, прослѣдилъ ихъ до памятника Императрицы Екатерины II, а отставной унтеръ-офицеръ Сергѣй Самойловъ видѣлъ какъ неизвѣстные повернули за Александринскій театръ (т. I л. 9 и 18).

Скрывшіеся такимъ образомъ отъ преслѣдованія упомянутыхъ свидѣтелей убійцы Генерала Мезенцова не остались однако необнаруженными.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ того же года, въ Новомъ переулкѣ, въ русскомъ татерсалѣ, были розысканы вороная лошадь »Варваръ«, дрожки на лежачихъ ресорахъ и кучерское платье, а затѣмъ задержанъ и кучеръ этой лошади, Адріанъ Михайловъ, проживавшій подъ непринадлежащею ему фамиліею Тугаринова. При этомъ было установлено, что „Варваръ“ и дрожки, значившіеся въ татерсалѣ принадлежащими дворянину Тюрикову, имѣютъ полное сходство съ лошадью и экипажемъ, стоявшимъ 4 Августа у кондитерской Кочкурова, а Михайловъ признанъ за выдававшаго себя кучеромъ Тюрикова, единственнымъ лицомъ, выѣзжавшимъ послѣ 14 Іюля на означенной лошади и имѣющимъ сходство съ кучеромъ, увозившимъ неизвѣстныхъ послѣ совершеннаго ими убійства Генералъ-Адъютанта Мезенцова (т. I л. 44, 56—60; т. II л. 36).

По показанію Баварскаго подданнаго Краха, „Варваръ“ былъ помѣщенъ въ татерсаль 29 Января 1878 г. самимъ Тюриковымъ, при участіи кучера, признаваемаго имъ въ задержанномъ Михайловѣ, и оставался до 7 Мая, а затѣмъ былъ взятъ Тюриковымъ и вновь приведенъ его кучеромъ, т. е. тѣмъ же Михайловымъ, 14 Іюля, уже съ дрожками. Такимъ образомъ время первоначальнаго помѣщенія »Варвара« въ татерсаль относится къ періоду проживательства Тюрикова и называвшагося его кучеромъ, нынѣ осужденнаго государственнаго преступника Адріана Михайлова, въ номерахъ Штуцеръ и при томъ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго, по подложнымъ документамъ. (т. II л. 36). Рядомъ произведенныхъ слѣдственныхъ дѣйствій выяснено, что лицо ,именовавшееся дворянином Тюриковымъ, въ Январѣ 1878 г., поселилось въ меблированныхъ комнатахъ Штуцеръ, на углу Малой Подъяческой и Екатерининскаго канала, предупредивъ хозяйку, что ждетъ товарища, съ которымъ и будетъ жить вмѣстѣ. Спустя нѣсколько времени къ Тюрикову дѣйствительно прибылъ неизвѣстный человѣкъ и далъ для прописки паспортъ на имя дворянина Поплавскаго. На другой день вновь прибывшій унесъ неизвѣстно куда полушубокъ, въ которомъ пріѣхалъ и сталъ ходить въ пальто, а черезъ мѣсяцъ, въ Февралѣ, Тюриковъ и Поплавскій оставили квартиру, при чемъ первый объяснялъ, что получилъ мѣсто въ Новгородѣ, куда полагаетъ пристроить и Поплавскаго. Документы Тюрикова и Поплавскаго оказались подложными, а по предъявленіи назвавшагося при задержаніи Тугариновымъ, Адріана Михайлова, содержательницѣ означенныхъ меблированныхъ комнатъ Штуцеръ и ея служанкѣ Тимофеевой, они признали его за проживавшаго у нихъ въ одной комнатѣ съ Тюриковымъ подъ именемъ Поплавскаго (т. I л. 46, 54 и 55).

Впослѣдствіи на лицо, тождественное съ Тюриковымъ, были сдѣланы указанія умершимъ обвиняемымъ Гольденбергомъ, изъ объясненій котораго видно, что въ Іюнѣ 1879 года, на Липецкомъ съѣздѣ онъ встрѣтился съ Ипполитомъ Кошурниковымъ, настоящая фамилія котораго ему не была извѣстна, и изъ разговоровъ съ нимъ пришелъ къ заключенію объ участіи его въ убійствѣ Мезенцова. Такое заключеніе, по удостовѣренію Гольденберга, вполнѣ подтвердилось, когда съ тѣмъ же Кошурниковымъ ему пришлось встрѣтиться, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, подъ Москвою, въ домѣ именовавшаго себя мѣщаниномъ Сухоруковымъ. При проведеніи подкопа подъ полотно Московско-Курской желѣзной дороги, съ цѣлью посягнуть на жизнь почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, между участниками этого подкопа, какъ-то, былъ возбужденъ вопросъ, кому слѣдуетъ сомкнуть цѣпь для взрыва, при чемъ Кошурниковъ предлагалъ свои услуги, говоря, что ему

всего удобнѣе взять это на себя, какъ участнику въ убійствѣ Генерала Мезенцова и, слѣдовательно, какъ лицу, которому уже угрожаетъ тяжкое наказаніе.

Обвиняемый Александръ Баранниковъ призналъ себя виновнымъ въ участіи, вмѣстѣ съ двумя другими лицами, въ убійствѣ Генерала Мезенцова и объяснилъ, что проживая въ 1878 году въ С.-Петербургѣ ,по Малой Подъяческой, у мѣщанки Штуцеръ, подъ именемъ Тюрикова, онъ, согласившись на убійство Генерала Мезенцева, сперва выѣзжалъ лошадь, находившуюся вмѣстѣ съ дрожками въ русскомъ татерсалѣ, а затѣмъ, 4 Августа, прибывъ на Михайловскую площадь на означенныхъ дрожкахъ, вмѣстѣ съ своими соучастниками, онъ, въ моментъ нанесенія Генералу Мезенцову раны, находился тутъ же возлѣ и, по собственному его выраженію, „прикрывалъ убійцу.“ Когда же послѣдняго хотѣлъ задержать сопровождавшій Генерала Мезенцова Подполковникъ Макаровъ, то онъ, Баранниковъ, выстрѣлилъ въ него изъ револьвера, чѣмъ и открылъ возможность какъ себѣ, такъ и убійцѣ, скрыться отъ преслѣдованія.

По предъявленіи Баранникова свидѣтельницамъ Штуцеръ и Христинѣ Ритовской онѣ положительно признали въ немъ лицо, проживавшее у Штуцеръ въ Январѣ 1878 года, подъ фамиліею дворянина Тюрикова (т. I л. 250 и т. II л. 163).

III.

Покушеніе на цареубійство въ С.-Петербургѣ 2-го Апрѣля 1879 года.

При производствѣ слѣдствія о покушеніи 2-го Апрѣля 1879 года на жизнь въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА непосредственный виновникъ этого преступленія, казненный нынѣ государственный преступникъ Соловьевъ, между прочимъ, объяснилъ, что о замыслѣ своемъ онъ, Соловьевъ, никому не сообщалъ и сообщниковъ не имѣлъ. Но, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи преступной дѣятельности „соціально-революціонной партіи“ въ 1879 и 1880 годахъ, это объясненіе было опровергнуто задержаніемъ нѣсколькихъ лицъ, участвовавшихъ въ сношеніяхъ и совѣщаніяхъ съ Соловьевымъ по предмету преступнаго покушенія.

Обнаруженныя такимъ образомъ данныя указали, какъ на соучастниковъ Соловьева, еще на пять лицъ, изъ которыхъ государственные преступники Зунделевичъ, Квятковскій и Кобылянскій уже осуждены, Григорій Гольденбергъ умеръ, а Александръ Михайловъ до конца 1880 года оставался нерозысканнымъ.

Задержанный 28 Ноября 1880 года обвиняемый Александръ Михайловъ, заявляя о своей принадлежности къ тайному сообществу, поставившему себѣ ближайшею задачею насильственное ниспроверженіе Правительства путемъ посягательства на на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, призналъ, между прочимъ, и свое участіе въ преступномъ покушеніи 2 Апрѣля, выразившемся въ совѣщаніяхъ объ этомъ покушеніи съ другими лицами, какъ съ теоретической точки зрѣнія, такъ и со стороны практической, т. е. по поводу выбора лица, времени и мѣста приведенія обдуманнаго замысла въ исполненіе (т. II л. 233).

Всѣ приведенныя обстоятельства, обнаруженныя дознаніемъ, находятъ себѣ полное подтвержденіе въ разоблаченіяхъ, сдѣланныхъ по этому поводу вышеупомянутымъ умершимъ обвиняемымъ Григоріемъ Гольденбергомъ. По показанію его, съ 1878 года, подъ вліяніемъ удачныхъ политическихъ убійствъ и другихъ событій, мысли о цареубійствѣ, какъ средствѣ для достиженія цѣлей »соціально революціонной партіи,« лица, принадлежавшія къ этой послѣдней, стали придавать особенное значеніе. Подъ вліяніемъ означенной мысли, въ Мартѣ 1879 года, отправившись съ юга въ С.-Петербургъ, для возбужденія между революціонерами вопроса о цареубійствѣ, онъ встрѣтился съ своими знакомыми Зунделевичемъ и Александромъ Михайловымъ и, послѣ неудавшагося 13 Марта

покушенія на жизнь Генералъ-Адъютанта Дрентельна, нашелъ въ нихъ полное сочувствіе. Подъ вліяніемъ созрѣвшаго желанія осуществить свой планъ въ ближайшемъ будущемъ, они обсуждали этотъ вопросъ сперва втроемъ, а затѣмъ къ нимъ присоединились еще прибывшій тогда въ С.-Петербургъ Соловьевъ, Кобылянскій и Квятковскій. Для такого обсужденія они вшестеромъ имѣли нѣсколько совѣщаній въ трактирахъ, одинъ разъ въ »Сѣверномъ» на Офицерской улицѣ, другой разъ гдѣ-то въ трактирѣ на Большой Садовой и еще гдѣ-то въ трактирахъ, но гдѣ именно не помнитъ. При этомъ они говорили очень много и больше другихъ онъ, Гольденбергъ, Михайловъ и Соловьевъ, но вопросъ обсуждался только теоретически, т. е. съ точки зрѣнія выгодъ отъ преступленія для революціонныхъ цѣлей. Результатомъ всѣхъ ихъ разсужденій было полное соглашеніе на цареубійство, при чемъ совершить его долженъ былъ кто нибудь изъ числа шести совѣщавшихся. Послѣ теоретическаго рѣшенія перешли къ обсужденію практической стороны дѣла, т. е. къ выбору лица, средства и времени совершенія преступленія. Первымъ предложилъ свои услуги самъ Гольденбергъ, но предложеніе его не было принято, такъ какъ находили, что ему, какъ еврею, не слѣдуетъ брать этого дѣла на себя, ибо тогда для общества, а главное для народа, оно не будетъ имѣть должнаго значенія, почему и полагали, что преступленіе долженъ совершить непремѣнно природный русскій. По такимъ же соображеніямъ не было принято и даже не обсуждалось предложеніе поляка Кобылянскаго, который также заявилъ о своемъ желаніи совершить злодѣяніе. Затѣмъ заявилъ о своей готовности Соловьевъ и его признали совершенно годнымъ и совмѣщающимъ въ себѣ всѣ нужныя для дѣла условія. Послѣ этого было рѣшено совершить посягательство какъ можно скорѣе и 31 Марта стали предупреждать всѣхъ, „нелегальныхъ,“ чтобы они спѣшили выѣхать изъ столицы, въ виду могущихъ послѣдовать арестовъ. 31 Марта онъ, Гольденбергъ, какъ нелегальный и выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Харьковъ (л. 11 и об. 14 т. I).

Осужденные Кобылянскій и Квятковскій также признали существованіе сходокъ, описанныхъ Гольденбергомъ, а Зунделевичъ въ общихъ чертахъ далъ показаніе, вполнѣ согласное съ вышеизложеннымъ (т. I л. 217—218, 399 и об. 400, 79 и об. 81).

IV.

Кража изъ Херсонскаго Губернскаго Казначейства.

3-го Іюня 1879 года изъ Херсонскаго Губернскаго Казначейства, чрезъ взломъ запоровъ у сундуковъ, стоявшихъ въ денежной кладовой, была совершена кража 1.579,688 руб. 75 коп., принадлежащихъ Государственному Банку, а также пачки бланковъ паспортовъ и патентовъ. По осмотру мѣстности оказалось, что для означенной кражи былъ произведенъ подкопъ изъ сосѣдняго съ Казначействомъ дома Камсина, начинавшійся отверстіемъ въ полу одной изъ комнатъ этого дома, а затѣмъ проходившій подъ землею подъ фундаментъ Казначейства и кончавшійся пробоиною, въ аршинъ въ діаметрѣ, въ полу денежной кладовой. Въ двухъ комнатахъ дома Камсина и на чердакѣ оказалось около 25 возовъ свѣжей глины, вынутой изъ упомянутой подземной галереи, имѣвшей въ длину 9 сажень, а въ ширину и въ высоту по 1-му аршину. Въ галереѣ были найдены 10,000 руб. кредитными билетами, разсыпанная мѣдная монета, желѣзный ломъ, буравъ, двѣ кирки, желѣзная лопата, жестяной ящикъ съ двумя веревками, ножъ и кусокъ свѣчи. Въ самой кладовой Казначейства, какъ орудія взлома замковъ, остались ломъ и сломанный напильникъ (Кр. Херс. Казн. т. I л. 3—7 и планъ).

Произведеннымъ по поводу этой кражи слѣдствіемъ обнаружено, что квартиру въ домѣ Камсина, изъ которой произведенъ подкопъ, наняла передъ кражею неизвѣстная женщина, назвавшаяся женою доктора Никитиною и прислала въ эту квартиру, какъ бы для ея отдѣлки, неизвѣстнаго человѣка подъ видомъ штукатура. Дней за 10 до кражи Никитина сама переѣхала въ квартиру, а за тѣмъ туда же прибыла женщина подъ име-

немъ Марьи, исполнявшая обязанности кухарки. 29 Мая, чрезъ два дня послѣ этого, въ квартиру пріѣхала еще молодая дѣвушка подъ именемъ „Соньки“ и приняла на себя роль горничной.

При дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія и обнаруженіи нѣкоторыхъ изъ обвиняемыхъ, съ одной стороны, установлено, что означенная кража совершена лицами, принадлежащими къ тайному сообществу, стремящемуся къ ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя, съ цѣлью доставленія означенному сообществу средствъ для достиженія его преступныхъ стремленій, а съ другой стороны—опредѣлены лица, проживавшія въ домѣ Камсина передъ кражею и скрывшіяся ко времени ея обнаруженія (т. VII пригов. Воен.-Окр. Суда).

Называвшая себя женою доктора Никитиною и отказавшаяся объявить о своемъ званіи и имени, оказалась дворянкою Еленою Россиковою; неизвѣстный, занимавшійся у нея штукатурными работами,—лишеннымъ за кражи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ Яковомъ Погорѣловымъ, а проживавшая у Россиковой подъ видомъ кухарки Марьи—Одесскою мѣщанкою Татьяною Морозовою.

Поименованныя лица, въ числѣ другихъ, осуждены Одесскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ 10 Января 1880 года.

Что же касается до обвиняемой, проживавшей у Россиковой въ качествѣ горничной подъ именемъ „Соньки“, то хотя она первоначально и не была обнаружена, но участіе ея въ этой кражѣ было выяснено съ достаточною опредѣленностью.

По показанію Погорѣлова, дѣвушка подъ именемъ »Соньки« оказывала ему весьма дѣятельное пособіе въ подземной работѣ, вытаскивая изъ подкопа жестянымъ ящикомъ глину, а когда проломъ въ самой кладовой былъ сдѣланъ и кража совершена, то „Сонька“, получивъ изъ украденыхъ денегъ 10,000 руб., уѣхала изъ квартиры первая, еще въ то время, когда мѣшки съ деньгами не были увезены (т. I л. 51, 61, 519).

Подтверждая въ этихъ частяхъ объясненія Погорѣлова, Татьяна Морозова дополнила, что дѣвушка, выносившая изъ подкопа землю въ другую комнату и на чердакъ, была лѣтъ 16, блондинка, низенькаго роста и называлась »Нилкой« (т. II л 35).

2-го Мая 1881 года, задержанная въ С.-Петербургѣ подъ фамиліей Трифоновой, дочь Титулярнаго Совѣтника Людмила Терентьева, объясняя, что она занимается „революціонными дѣлами,“ а средства къ жизни получаетъ изъ фонда партіи, признала свое участіе въ кражѣ изъ Херсонскаго Казначейства, совершенной 3 Іюня 1879 года, и показала, что работала въ самомъ подкопѣ, а затѣмъ увезла изъ Херсона изъ числа украденыхъ изъ Казначейства денегъ 10,000 рублей, каковыя и были употреблены „на борьбу за народное освобожденіе“ (л 82—109, л. 129 т. IV).

Впослѣдствіи Терентьева добавила, что въ квартирѣ Россиковой ее называли иногда „Соней“, а иногда „Лилей“ (л. 208 об. т. V).

По предъявленіи Терентьевой вышеупомянутымъ Погорѣлову и Морозовой, они признали въ ней ту самую женщину, о которой показали, какъ о горничной Россиковой, извѣстной имъ подъ именами „Соньки“ и „Ниляки“ (т. V л. 208 и 271 и пронзв. о кражѣ. изъ Херсон. Казн.).

V.

Приготовленія къ цареубійству близъ гор. Одессы осенью 1879 года.

Изъ показанія Григорія Гольденберга, между прочимъ, видно, что въ двадцатыхъ числахъ Сентября 1879 г., когда онъ, Гольденбергъ, и Николай Колодкевичъ находились въ Харьковѣ и принимали участіе въ происходившихъ тамъ сходкахъ революціонеровъ и сочувствующихъ имъ лицъ, при чемъ на этихъ сходкахъ обсуждался, при участіи Желябова, планъ цареубійства, въ Харьковъ пріѣхалъ Кошурниковъ (Баранниковъ), вмѣстѣ съ нынѣ казненнымъ государственнымъ преступникомъ Пресняковымъ, и привезли съ собою около трехъ пудовъ динамита. Тогда же было рѣшено предпринять приготовленія къ цареубійству, между прочимъ въ Одессѣ, на линіи Одесской желѣзной дороги, при обратномъ слѣдованіи въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА изъ Крыма въ С.-Петербургъ. Для этой цѣли Колодкевичъ отправился изъ Харькова въ Одессу, гдѣ уже находился Михаилъ Фроленко, который и долженъ былъ принять на себя приведеніе означеннаго замысла въ исполненіе. Съ тою же цѣлію Гольденбергъ отдѣлилъ изъ динамита, привезеннаго Кошурниковымъ и Пресняковымъ, около полутора пудовъ и послалъ его въ Одессу съ Татьяною Лебедевою, которая должна была остаться тамъ и помогать Фроленко. Затѣмъ онъ, Гольденбергъ, принялъ участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву ИМПЕРАТОРСКАГО поѣзда, производимыхъ близъ Москвы на линіи Московско-Курской желѣзной дороги изъ дома Сухорукова (Гартмана). Въ Ноябрѣ, собравшіеся здѣсь участники упомянутыхъ приготовленій, получивъ свѣдѣнія о томъ, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволитъ на пути изъ Крыма прослѣдовать черезъ Москву и въ то же время предположивъ, что вслѣдствіе дурной погоды поѣздка ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА въ Одессу моремъ не состоится, пришли къ рѣшенію о томъ, что начатыя въ Одессѣ приготовленія должны быть оставлены, а находящійся тамъ динамитъ перевезенъ въ Москву. За этимъ динамитомъ Гольденбергъ 9 Ноября отправился въ Одессу и дорогой, въ Елизаветградѣ, встрѣтилъ нынѣ казненнаго государственнаго преступника Николая Кибальчича который, сказавъ ему, что онъ везетъ изъ Одессы проволоку въ Александровскъ къ Желябову, добавилъ, что въ Одессѣ уже быть можетъ успѣли заложить динамитъ подъ рельсы желѣзной дороги. Вслѣдствіе этого Гольденбергъ, по соглашенію съ Кибальчичемъ, послалъ въ Одессу Колодкевичу телеграмму съ подписью «Максимовъ,» предупреждающую о прибытіи его, Гольденберга. Подъѣзжая къ Одессѣ, онъ видѣлъ Татьяну Лебедеву, стоявшую на линіи желѣзной дороги около одной изъ сторожевыхъ будокъ, изъ чего заключилъ, что сторожемъ въ этой будкѣ состоитъ Фроленко. Въ Одессѣ Гольденбергъ видѣлся съ этимъ послѣднимъ и съ Колодкевичемъ и, не смотря на видимое нежеланіе Фроленко оставлять начатыя въ Одессѣ приготовленія, истребовалъ отъ нихъ динамитъ для доставленія въ Москву. Кромѣ названныхъ лицъ, Гольденбергъ видѣлъ еще въ Одессѣ Златопольскаго и какого-то молодаго человѣка по имени Василія, который, вмѣстѣ съ Колодкевичемъ, долженъ былъ перевезти динамитъ изъ будки Фроленко къ Гольденбергу. Этотъ послѣдній, получивъ динамитъ и взявъ его съ собою, 13 Ноября выѣхалъ изъ Одессы, а 14 Ноября въ Елизаветградѣ былъ арестованъ.

Въ подтвержденіе приведеннаго показанія Гольденберга: 1) разслѣдованіемъ, произведеннымъ въ гор. Одессѣ, удостовѣрено, что съ 18 Октября и до 8 Декабря 1879 г. Фроленко, подъ именемъ Курскаго мѣщанина Семена Александрова, дѣйствительно служилъ сторожемъ на 14 верстѣ Одесской желѣзной дороги, при чемъ проживалъ въ сторожевой будкѣ на 12 верстѣ вмѣстѣ съ Татьяною Лебедевою, которую выдавалъ за свою жену. Въ Декабрѣ 1879 г. Фроленко оставилъ желѣзнодорожную службу и, не дождавшись расчета, выѣхалъ изъ Одессы (показанія свидѣтелей инженера Щегельскаго, дорожнаго мастера Корабельникова, жены сторожа Ивановой, Ковриги и проч., л. 48—55, 1 прилож. къ т. III дѣла о 16 лицахъ; л. 171, 173 и 272 т. V, и л. 35 и 36 т. VII); 2) таковымъ же разслѣдованіемъ обнаружено, что съ Октября и до половины Декабря 1879 г. Колодкевичъ проживалъ въ гор. Одессѣ подъ фамиліею Сидоренко, на которую и была адресована телеграмма, посланная ему изъ Елизаветграда Гольденбергомъ и Кибальчичемъ (л. 16—22 т. I дозн. о 16 лицахъ).

Обвиняемые Николай Колодкевичъ, Михаилъ Фроленко, Василій Меркуловъ и Татьяна Лебедева признали всѣ вышеприведенныя обстоятельства и участіе свое въ предпринятыхъ на линіи Одесской желѣзной дороги приготовленіяхъ къ взрыву ИМПЕРАТОРСКАГО поѣзда, каковой взрывъ предполагалось произвести посредствомъ проведенія гальваническаго тока къ динамитному заряду, заложенному подъ полотно желѣзной дороги. При этомъ Меркуловъ показалъ, что по порученію Колодкевича онъ перевозилъ мебель изъ Одессы въ сторожевую будку на 12 верстѣ, гдѣ поселился Фроленко вмѣстѣ съ Лебедевою, которая, въ свою очередь, объяснила, что по распредѣленію участія въ предположенномъ преступленіи она должна была для производства взрыва ИМПЕРАТОРСКАГО **поѣзда замкнуть токъ гальванической баттареи.**

VI.

Покушеніе на цареубійство близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи, 18 Ноября 1879 года.

По показанію Григорія Гольденберга, на вышеупомянутыхъ революціонныхъ сходкахъ, происходившихъ въ гор. Харьковѣ въ Сентябрѣ 1879 года, было, между прочимъ, рѣшено произвести взрывъ ИМПЕРАТОРСКАГО поѣзда на линіи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи. Для совершенія этого преступленія были избраны государственные преступники, нынѣ казненные, Желябовъ и Пресняковъ, осужденные Яковъ Тихоновъ и Иванъ Окладскій и обвиняемая Анна Якимова (она же Баска). Въ Октябрѣ Желябовъ, подъ фамиліею Ярославскаго купца Черемисова, вмѣстѣ съ Якимовою, которую онъ выдавалъ за свою жену, поселился въ гор. Александровскѣ, въ домѣ мѣщанъ Бовенко, при чемъ появленіе свое въ этомъ городѣ объяснилъ намѣреніемъ устроить кожевенный заводъ на отведенномъ ему мѣстною думою участкѣ городской земли, а затѣмъ занялся приготовленіями къ производству взрыва.

Изъ объясненій Преснякова, Тихонова и Окладскаго, подтвержденныхъ показаніями свидѣтелей Тимофея и Маріи Бовенко, а также результатами мѣстнаго осмотра и технической экспертизы, произведенной надъ изъятыми, по указаніямъ Тихонова, вещественными доказательствами, оказывается, что во время проживанія Желябова и Якимовой въ домѣ Бовенко у нихъ жили или появлялись лишь на короткое время и другіе ихъ сообщники, принимавшіе участіе въ упомянутыхъ приготовленіяхъ. Во исполненіе общаго ихъ преступнаго замысла, въ полотнѣ желѣзной дороги, на 4 верстѣ, произведена была закладка мины изъ двухъ цилиндровъ съ мастезированнымъ динамитомъ, а по полученіи 16 Ноября отъ Преснякова, пріѣзжавшаго изъ Симферополя, свѣдѣнія о предстоящемъ 18 Ноября проѣздѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Желябовъ, Тихоновъ, Окладскій и Пресняковъ въ означенной мѣстности [illegible], въ которой помѣщалась гальваническая баттарея, къ мѣсту, гдѣ была заложена мина, гдѣ Окладскій, вынувъ изъ земли спрятанные концы проволокъ, идущихъ отъ заряда, передалъ ихъ Желябову, который, какъ только ИМПЕРАТОРСКІЙ поѣздъ станетъ проходить надъ миною, по сигналу Окладскаго жарнетъ [illegible]. Но помѣшавшаяся пробка взрыва однако же не произошло и ИМПЕРАТОРСКІЙ поѣздъ благополучно проѣзжалъ мимо злоумышленниковъ, **которые вскорѣ послѣ этого разъѣхались изъ Александровска.**

По предъявленіи свидѣтельницѣ Тимофеевой и Маріи Бовенко обвиняемыхъ Якимовой и Маклая Теперки, они признали въ первой женщину, проживавшую у нихъ въ домѣ, подъ именемъ жены [illegible] Черемисова (т. V л. 44), а во второмъ человѣка, который въ тоже самое время проживалъ у Черемисовыхъ подъ именемъ Дмитрія (т. II л. 32).

Обвиняемый Маклай Теперка показалъ, что въ [illegible] г. въ гор. Бѣлѣ, онъ познакомился съ Желябовымъ, который далъ ему 5 или 10 рублей, состоявшихся ему. Теперь, спустя годъ, былъ арестованъ по обвиненію въ государственномъ преступленіи,

сказалъ обвиняемому, что и его могутъ арестовать и, снабдивъ его паспортомъ, убѣдилъ не проживать подъ своею настоящею фамиліею. Осенью 1879 г. Гетерка, по приглашенію Желябова, отправился въ гор. Александровскъ, гдѣ и прожилъ у Желябова около мѣсяца, исполняя по его приказанію разныя столярныя и хозяйственныя работы (т. II л. 185 и слѣд.).

Обвиняемая Анна Якимова созналась въ вышеказанномъ участіи своемъ при покушеніи на цареубійство 18 Ноября 1879 года (т. V л. 109).

Обвиняемый Григорій Исаевъ показалъ, что въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1879 года онъ работалъ въ подкопѣ изъ дома Сухорукова въ Москвѣ, откуда ѣздилъ на одинъ день съ проволокою для мины къ Желябову въ гор. Александровскъ, гдѣ при немъ были заложены подъ полотно желѣзной дороги проволоки и одинъ изъ цилиндровъ съ динамитомъ, при чемъ онъ, Исаевъ, принималъ участіе въ работахъ (т. VI л. 283).

Приведенное показаніе Исаева подтвердилъ и Гольденбергъ, объяснивъ, что Исаевъ, работавшій подъ именемъ „Гришки“ въ подкопѣ подъ Московско-Курскую желѣзную дорогу, былъ посланъ изъ Москвы въ Александровскъ съ проволокой, въ видѣ отдыха, такъ какъ онъ болѣе другихъ участниковъ Московскаго подкопа былъ утомленъ работой (дозн. о 16 лицахъ, прилож. 1 къ т. III л. 34 об.).

VII.

Покушеніе на цареубійство близъ гор. Москвы 19 Ноября 1879 года.

19 Ноября 1879 года, въ 11-мъ часу вечера, на 3-й верстѣ отъ Московской станціи Московско-Курской желѣзной дороги, во время слѣдованія въ Москву поѣзда съ ИМПЕРАТОРСКОЮ свитою, былъ произведенъ взрывъ полотна желѣзной дороги, вслѣдствіе чего произошло крушеніе означеннаго поѣзда, въ которомъ злоумышленники, очевидно, предполагали присутствіе въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. При взрывѣ никто изъ лицъ, слѣдовавшихъ въ поѣздѣ или посторонніихъ, не пострадалъ (дозн. о 16 лицахъ т. II л. 33, 45 и 102).

По осмотру мѣста взрыва оказалось, что онъ былъ произведенъ посредствомъ мины, заложенной подъ полотно желѣзной дороги и проведенной изъ нижняго этажа дома, расположеннаго близъ желѣзнодорожнаго пути и купленнаго незадолго передъ тѣмъ личностью, именовавшеюся Саратовскимъ мѣщаниномъ Сухоруковымъ. Изъ этого дома была выведена подземная галлерея, обшитая внутри досками и обканчивавшаяся миной, заложенной на глубинѣ около 2 саж. подъ рельсами. Самый же взрывъ былъ произведенъ при посредствѣ спирали Румкорфа, помѣщенной въ сундукѣ, стоявшемъ въ верхнемъ этажѣ, и гальваническои баттареи, находившейся въ сараѣ, въ стѣнѣ котораго, близъ баттареи, имѣлось отверстіе, повидимому, для наблюденія за желѣзнодорожнымъ путемъ. По заключенію экспертовъ на устройство означеннаго подкопа потребовалось не менѣе 20-ти дней и совмѣстная работа нѣсколькихъ лицъ; что же касается до взрыва, то онъ былъ произведенъ однимъ изъ взрывчатыхъ составовъ, содержащихъ въ себѣ нитроглицеринъ (дозн. о 16 лицахъ т. II л. 5, 8, 27 и 30).

Показаніями допрошенныхъ при дознаніи свидѣтелей Анны Трофимовой, Василья Кононова, Екатерины Григорьевой, Ирины Сѣдоковой и другихъ удостовѣряется, что Сухоруковъ появился въ Москвѣ въ началѣ Сентября 1879 г. съ женщиною, называвшеюся его женою; пріобрѣтя покупкою у мѣщанина Кононова вышеупомянутый домъ, онъ 19 Сентября переѣхалъ въ него и, удаливъ оттуда жильцовъ подъ предлогомъ необходимыхъ передѣлокъ, приступилъ къ вырытію въ нижнемъ этажѣ дома погребной ямы. Затѣмъ окна нижняго этажа были заколочены, двери заперты, а въ домъ доставлены доски и желѣзныя трубы, найденныя впослѣдствіи въ минной галлереѣ. Послѣ взрыва 19 Ноября всѣ обитатели купленнаго Сухоруковымъ дома скрылись (дозн. о 16 лицахъ т. II л. 21, 35, 47, 54 и 65).

Изслѣдованіемъ описаннаго покушенія на цареубійство выяснено, что изъ числа виновниковъ этого преступленія, фамиліею Сухорукова назывался Левъ Николаевъ Гартманъ, скрывшійся заграницу, а съ нимъ, подъ именемъ его жены, проживала нынѣ казненная государственная преступница Софья Перовская (дозн. о 16 лицахъ т. I л. 783, т. II л. 14. 40, 43; приговоръ Особ. Прис. Правит. Сената по дѣлу о злодѣяніи 1 Марта 1881 г.).

Умершій обвиняемый Гольденбергъ, излагая въ подробности всѣ обстоятельства своего участія въ устройствѣ подкопа подъ Московско-Курскую желѣзную дорогу, показалъ, что осенью 1879 г., въ бытность его въ Харьковѣ, туда, 16 Октября, пріѣхалъ Степанъ Ширяевъ и сообщилъ, что въ Москвѣ уже куплевъ домъ и изъ него ведется подкопъ, надъ которымъ работаютъ Гартманъ, подъ фамиліею Сухорукова (по прозванію „Алхимикъ"), Перовская, подъ именемъ жены Сухорукова Марины Семеновой, Александръ Михайловъ, Арончикъ и студентъ Медико Хирургической Академіи „Гришка", оказавшійся впослѣдствіи Исаевымъ. При этомъ Ширяевъ заявилъ, что Московскіе работники уже утомились, почему имъ и нужны свѣжія силы. По соглашенію съ Желябовымъ и Ширяевымъ, Гольденбергъ, взявъ съ собою оставшіеся у него 1¹/₂ пуда динамита, 18 Октября выѣхалъ изъ Харькова въ Москву, гдѣ засталъ Александра Михайлова, жившаго подъ чужимъ именемъ на Б. Лубянкѣ, въ меблированныхъ комнатахъ Кузовлева, Арончика, занимавшаго вмѣстѣ съ Галиной Черняевской, подъ именемъ супруговъ Силантьевыхъ, конспиративную квартиру въ д Карепиной, на Собачьей Площадкѣ, а Гартмана, Перовскую и Гришку— проживавшими въ д. Сухорукова. Здѣсь же, розыскавъ этотъ домъ по указанію Михайлова, поселился и онъ, Гольденбергъ, и до самаго своего отъѣзда въ Одессу 9 Ноября работалъ въ подкопѣ, который при пріѣздѣ нашелъ уже доведеннымъ до половины. Черезъ недѣлю послѣ прибытія Гольденберга, къ участникамъ подкопа присоединился Баранниковъ, подъ именемъ Кошурникова, и Ширяевъ. До пріѣзда Гольденберга, въ числѣ работающихъ въ теченіи 3 дней былъ и Морозовъ, который уѣхалъ, потому что, по болѣзни, работать не могъ, и при отъѣздѣ захватилъ съ собою «на память» камень, вынутый изъ подкопа. Усерднѣе и успѣшнѣе всѣхъ работалъ Исаевъ, а хуже всѣхъ Арончикъ, котораго за лѣность даже устранили отъ работъ. При распредѣленіи участія въ самомъ производствѣ взрыва, возникъ вопросъ о томъ, кому именно сомкнуть гальваническую цѣпь для взрыва. По мнѣнію Гольденберга, эту обязанность слѣдовало поручить ему или Кошурникову, такъ какъ за ними и безъ того уже были прежде совершенныя ими тяжкія преступленія: за Гольденбергомъ—убійство Харьковскаго Губернатора, Свиты ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Генералъ-Маіора Князя Кропоткина, а за Кошурниковымъ (Баранниковымъ)—убійство Шефа жандармовъ, Генералъ-Адъютанта Мезенцова. Но такъ какъ они—ни тотъ, ни другой,—не умѣли обращаться съ гальваническимъ аппаратомъ, то и рѣшено было, что цѣпь сомкнетъ Ширяевъ, а Перовская будетъ наблюдать за приближеніемъ поѣзда и подастъ Ширяеву сигналъ. Наканунѣ взрыва всѣ должны были разъѣхаться, кромѣ Ширяева и Перовской, изъ которыхъ послѣдняя имѣла скрыться въ конспиративной квартирѣ Арончика и Черняевской (дозн. о 16 лицахъ, прилож. 1 къ т. III л. 32—42).

По осмотру домовой книги дома Бѣлева, въ Москвѣ, на Б. Лубянкѣ, гдѣ находились вышеупомянутые номера Кузовлева и по предъявленіи Александра Михайлова свидѣтелями Петру Николаеву и Василію Егорову оказалось, что Михайловъ въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1879 г проживалъ въ означенныхъ номерахъ подъ именемъ крестьянина Плошкина (дозн. о 16 лицахъ т. I л. 102, 109, 416).

Обвиняемые Александръ Михайловъ и Александръ Баранниковъ признали вышеуказанное участіе свое въ устройствѣ подкопа изъ дома Сухорукова подъ Московско-Курскую желѣзную дорогу. При этомъ Михайловъ показалъ, что получивъ порученіе исполнительнаго комитета отобрать у него на линіи Николаевской и Московско-Курской желѣзныхъ дорогъ, какое-либо удобное для производства взрыва ИМПЕРАТОРСКАГО поѣзда, онъ отобралъ указанныя ему мѣстности и собранныя имъ свѣдѣнія передалъ членамъ комитета, которые и остановились по отзыву его на домѣ, впослѣдствіи купленномъ на имя Сухорукова. Что же касается до самаго проведенія подкопа, то Михайловъ съ большою подробностью и согласно съ показаніями Гольденберга описалъ весь

ходъ работъ и всѣ вообще относящіяся сюда обстоятельства преступленія (т. I л. 104 и слѣд.) Баранниковъ же, независимо отъ упомянутаго своего сознанія, показалъ, что онъ пріѣхалъ въ Москву изъ Харькова, куда въ Сентябрѣ совмѣстно съ Исаевымъ перевозилъ **динамитъ (т IV л. 210).**

Обвиняемый Григорій Исаевъ, также сознавшись въ участіи при устройствѣ подкопа изъ дома Сухорукова, объяснилъ, что въ работахъ по этому подкопу онъ, въ качествѣ техника, долженъ былъ замѣнить собою, въ случаѣ надобности, имѣвшаго осужденнаго государственнаго преступника Степана Ширяева. По словамъ Исаева, въ описанныхъ работахъ принималъ участіе и Николай Морозовъ, но лишь со времени отъѣзда Арончикъ же вовсе не работалъ въ подкопѣ, а имѣлъ съ Черниявской **конспиративную квартиру (т. II л. 125, 126; т. VI л. 283 и 284).**

Обвиняемый Николай Морозовъ, признавая себя «террористомъ», показалъ, что онъ не считаетъ возможнымъ дать какія либо объясненія по поводу обвиненія его въ участіи при покушеніи на цареубійство 19 Ноября 1879 г., какъ и вообще по существу всѣхъ предъявленныхъ къ нему обвиненій, такъ какъ его объясненія могли бы повредить его **друзьямъ и знакомымъ (т. II л. 341).**

Обвиняемый Аронъ Арончикъ, отрицая какъ принадлежность свою къ революціонной партіи, такъ и свое участіе въ покушеніи 19 Ноября 1879 г., показалъ, что онъ въ это время въ Москвѣ вовсе не былъ. По объясненію Арончика, онъ, узнавъ о томъ, что его товарищъ Колтановскій высланъ изъ Одессы административнымъ порядкомъ, отправился въ Іюлѣ 1879 г. его розыскивать въ Вологодскую и Архангельскую губерніи, но тамъ его не нашелъ, а въ Августѣ того же года узналъ, что Колтановскій былъ осужденъ Одесскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ. Возвратившись затѣмъ въ С.-Петербургъ и проживъ здѣсь весь Сентябрь подъ чужою фамиліею и паспортомъ Щербакова, онъ отправился въ началѣ Октября въ Минскъ для того, чтобы передать денежное пособіе Колтановскому, содержавшемуся въ мѣстной тюрьмѣ. Дорогой онъ останавливался въ Москвѣ подъ именемъ Щербакова, а въ концѣ Октября жилъ въ Орлѣ подъ именемъ Сахарова. Въ концѣ Ноября онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ поселился подъ именемъ Быликова.

При провѣркѣ приведенныхъ объясненій Арончика оказалось, что хотя въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Орлѣ, приблизительно въ указанное Арончикомъ время, и были выписаны паспорты на имя Щербакова, Сахарова и Быликова, но никто изъ допрошенныхъ по этому поводу свидѣтелей не признаетъ въ Арончикѣ лица, проживавшаго подъ означенными паспортами и именами (т. II л. 231—233, 337, 392. т. IV л. 229—305; Т. V **л. 190—198).**

Независимо отъ этого, по сопоставленіи изложенныхъ данныхъ съ показаніями Гольденберга и Исаева о томъ, что Арончикъ не принималъ дѣятельнаго участія въ проведеніи подкопа и не жилъ въ домѣ Сухорукова, а былъ лишь хозяиномъ конспиративной квартиры въ Москвѣ подъ именемъ Силантьева, слѣдуетъ признать, что проживательство его подъ вышеуказанными именами и при вышеозначенныхъ обстоятельствахъ, по времени, къ которому оно относится, отнюдь не исключаетъ приписываго Гольденбергомъ и Исаевымъ содержанія Арончикомъ вмѣстѣ съ Черниявской конспиративной квартиры въ Москвѣ, какъ убѣжища для участниковъ покушенія 19 Ноября 1879 года

Въ подтвержденіе этого произведеннымъ въ Москвѣ дознаніемъ выяснено, что супруги Силантьевы проживали съ 25 Октября по 10 Декабря 1879 г. на Собачьей Площадкѣ, въ домѣ Корениной, а по предъявленіи Арончика проживающей въ означенномъ домѣ свидѣтельницѣ Прасковьѣ Никифоровой, она признала въ обвиняемомъ сходство **съ Силантьевымъ (т. VI л. 8).**

VIII.

Покушеніе на цареубійство въ Зимнемъ Дворцѣ 5 Февраля 1880 года.

5-го Февраля 1880 г., въ седьмомъ часу вечера, когда въ Зимнемъ Дворцѣ по случаю ожидаемаго пріѣзда въ С.-Петербургъ Его Высочества Принца Александра

Гессенскаго, въ покояхъ, расположенныхъ надъ помѣщеніемъ главнаго караула, былъ приготовленъ столъ для семейнаго обѣда Членовъ ИМПЕРАТОРСКАГО Дома, а ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, нынѣ въ Бозѣ почивший ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, изволилъ выдти на встрѣчу высокому гостю въ малый фельдмаршальскій залъ, изъ подвальнаго этажа произошелъ взрывъ, разрушившій помѣщеніе главнаго караула и смежныя съ нимъ части зданія, а также нѣсколько поврежденный полъ тѣхъ комнатъ, въ которыхъ предполагался обѣденный столъ. При означенномъ взрывѣ изъ числа нижнихъ чиновъ л.-гв. Финляндскаго полка, находившихся въ составѣ главнаго караула, было убито на мѣстѣ десять человѣкъ. Кромѣ того 33 человѣка тѣхъ же чиновъ и нѣкоторыя лица изъ дворцовой прислуги получили болѣе или менѣе тяжкія повреждения.

По осмотру мѣста взрыва и заключенію, высказанному экспертами на основаніи этого осмотра, оказалось, что взрывъ былъ произведенъ зарядомъ динамита, посредствомъ дѣйствія на него капсюля съ гремучекислою ртутью, воспламененнаго съ помощью огнепроводнаго шнура.

По изслѣдованіи описаннаго событія выяснилось, что обвиненіе въ производствѣ взрыва падаетъ на крестьянина Вятской губерніи, Орловскаго уѣзда, Степана Халтурина и нынѣ казненнаго государственнаго преступника Александра Квятковскаго. Изъ нихъ Халтуринъ въ Сентябрѣ 1879 г., подъ именемъ и по паспорту крестьянина Олонецкой губерніи, Каргопольскаго уѣзда, Степана Батышкова, поступилъ въ число столяровъ при Зимнемъ Дворцѣ, проживалъ въ томъ самомъ подвалѣ, изъ котораго былъ произведенъ взрывъ и послѣ этого послѣдняго скрылся, оставшись до сего времени не розысканнымъ. Квятковскій же былъ задержанъ въ С.-Петербургѣ, 24-го Ноября 1879 года, подъ именемъ Чернышева въ домѣ № 13, по Лештукову переулку, при чемъ по обыску у него было, между прочимъ, найдено около ½ пуда магнезіальнаго динамита, разныя приспособленія для устройства взрывныхъ минъ и планъ той части Зимняго Дворца, въ которой послѣдовалъ взрывъ 5-го Февраля 1880 года. Приговоромъ С.-Петербургскаго Военно-Окружнаго Суда по дѣлу о 16 лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, Квятковскій былъ признанъ виновнымъ въ участіи при приготовленіяхъ къ упомянутому посягательству на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Привлеченный къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемаго Григорій Исаевъ показалъ, между прочимъ, что зимою 1879—1880 годовъ и весною 1880 онъ, подъ именемъ Еремѣева, проживалъ въ С.-Петербургѣ, по Большой Подъяческой улицѣ, въ домѣ № 37, кв. № 27, вмѣстѣ съ двумя женщинами, изъ которыхъ одна называлась Анною Давыдовою, а другая Поликарповою и занимался приготовленіемъ динамита для разныхъ террористическихъ предпріятій своей «партіи». При этомъ Исаевъ сознался въ томъ, что онъ же приготовлялъ динамитъ и запалы, употребленные при взрывѣ 5-го Февраля 1880 года въ Зимнемъ Дворцѣ (т. II л. 125; т. VI л. 283).

Свидѣтель Николай Казимировъ, дворникъ дома № 37, по Большой Подъяческой, показалъ въ отношеніи Анны Якимовой Анну Давыдову, проживавшую въ означенномъ домѣ вмѣстѣ съ Еремѣевымъ (Исаевымъ (т. II л. 129 и т. VI л. 217), каковое обстоятельство не отвергается и обвиняемыми Исаевымъ и Якимовой (т. VI л. 217 и 283).

Изъ показанія обвиняемой Татьяны Лебедевой явно, что она проживала съ Исаевымъ и Якимовой подъ именемъ Поликарповой въ домѣ № 37 по Большой Подъяческой улицѣ (т. VII л. 7).

IX.

Приготовленія къ цареубійству, въ гор. Одессѣ весною 1880 года.

Изъ показанія обвиняемаго Василія Меркулова между прочимъ, явно что въ [illegible] весною 1880 года готовилось посягательство на жизнь нынѣ въ Бозѣ

почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, подъ видомъ мины, которую предполагалось провести подъ Николаевскую улицу на пути слѣдованія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА отъ вокзала желѣзной дороги къ пристани.

Обстоятельства означеннаго преступленія представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Въ началѣ 1880 года, въ гор. Одессѣ, Меркуловъ при посредствѣ Перовскаго до настоящаго времени Ивы Филипповой (рожденной Фохнеръ, сбѣжавшей съ казенной государственной преступницей Софьей Перовской и объявленной по настоящему дѣлу Львомъ Златопольскимъ, а затѣмъ познакомился съ Григоріемъ Исаевымъ, извѣстнымъ ему въ то время подъ именемъ „Григорія", съ проживавшей съ нимъ, подъ видомъ жены, Анной Якимовой и съ именовавшимъ себя жилецъ 1-го Марта 1881 года въ конспиративной квартирѣ, по Тельмановой улицѣ, Николаемъ Саблинымъ. Весной того же года, Перовская и Саблинъ подъ именемъ Умańскихъ мѣщанъ Петра и Маріи Прохоровскихъ нашли въ домѣ № 17 по Итальянской улицѣ, лавку, въ которой и открыли торговлю бакалейнымъ товаромъ. Въ этой лавкѣ, при участіи поступившихъ Саблина и Перовскую, Меркулова, Исаева, Златопольскаго, Якимовой и Филипповой, предположено было провести подкопъ подъ полотно Итальянской улицы, съ цѣлью въ самомъ помѣщеніи, гдѣ производилась торговля, въ дальнемъ углу, за прилавкомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ внутри полъ, выложенный новыми досками, могли быть подняты безъ поврежденія пола, была вырыта яма, изъ которой участники преступленія намѣревались съ помощью бурава, просверлить самый каналъ для мины. На этомъ однако и остановилось осуществленіе злоумышленнаго умысла, такъ какъ полученное извѣстіе о пріѣздѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ Одессу черезъ три дня, заставило злоумышленниковъ прекратить работы, которыя не могли быть доведены до конца въ столь короткое время. Вслѣдствіе этого вырытый уже вертикальный колодезь былъ засыпанъ и затѣмъ 24-го Мая Прохоровскіе оставили занятое ими помѣщеніе, отправившись выбывшими въ гор. Полтаву.

Между тѣмъ, по объясненію Меркулова, всѣ приспособленія для земляныхъ работъ были уже заготовлены. Такъ, Златопольскій, извѣстный въ лавкѣ Прохоровскихъ подъ именемъ «Механика», пріобрѣлъ земляной бурavь и для придачи діаметру канала, соотвѣтственныхъ размѣровъ, самъ приспособилъ къ этому бураву рѣзцы и для удлиненія его новыми колѣнами, по мѣрѣ хода работы, купилъ нѣсколько водопроводныхъ трубъ, разрѣзалъ ихъ на части, а затѣмъ отдалъ въ водопроводную мастерскую Блинка для нарѣзки на концахъ ихъ винтовъ, при посредствѣ которыхъ эти отдѣльные куски могли бы скрѣпляться между собою. Далѣе Меркуловъ указалъ домъ, въ которомъ во время работъ по подкопу проживали Исаевъ и Якимова подъ именемъ супруговъ Новаковыхъ осмотрѣлъ и объ обстоятельствахъ, при которыхъ эта квартира сдѣлалась ему извѣстна, а именно, во время производства Исаевымъ какихъ то химическихъ работъ взрывомъ пріобрѣтеннаго вещества ему оторвало три пальца на рукѣ. Опасаясь, чтобы этотъ взрывъ не обратилъ вниманія сосѣдей и не повелъ бы за собой полицейскаго осмотра квартиры Якимова, удалившись въ лавку Прохоровскихъ, послала Меркулова удостовѣриться, не произвелъ ли взрывъ какого либо волненія въ домѣ, объяснивъ ему при этомъ адресъ квартиры (т. II л. 189—193, 234 и 323—326; т. V л. 217—218).

Сознаваясь въ приписываемомъ ему преступленіи, обвиняемый Григорій Исаевъ показалъ, что проживая въ Одессѣ весною 1880 г., подъ именемъ Потапова, съ женщиной, именовавшейся его женой Варварой, онъ предполагалъ принять участіе въ готовившемся посягательствѣ на жизнь Священной Особы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ качествѣ техника по подкопу и взрыву. Для исполненія этого намѣренія были приготовлены: буравъ, динамитъ, цилиндры, батарея и прочія принадлежности взрыва, которыя и хранились частью въ лавкѣ Прохоровскихъ, частью же въ его, Исаева, квартирѣ.

По предъявленіи Исаеву фотографическаго снимка обвиняемаго Льва Златопольскаго онъ призналъ въ немъ изображеніе одного изъ участниковъ преступленія, извѣстнаго ему подъ именемъ „Льва" и въ дальнѣйшихъ своихъ объясненіяхъ подтвердилъ изложенныя Меркуловымъ обстоятельства потери имъ пальцевъ, добавивъ, что за медицинскою помощью онъ обращался въ Одесскую городскую больницу (т. VI л. 283).

Осмотромъ книгъ на запись жильцовъ въ домахъ: № 17 по Итальянской улицѣ и № 3 по Троицкой, удостовѣрено, что въ первомъ изъ означенныхъ домовъ, съ 1 Апрѣля по 24 Мая 1880 года, нанимали торговое помѣщеніе Уманскіе мѣщане Петръ и Марія Прохоровскіе, при чемъ паспортъ, по которому они жили, оказался поддѣльнымъ, а во второмъ домѣ, съ 23-го Апрѣля и по 14-е Іюля, проживали Московскіе мѣщане Сергѣй **и Варвара Потаповы (т. V л. 309—312 и т. VI л. 336).**

Хозяинъ дома № 47 по Итальянской улицѣ Вильгельмъ Галка призналъ въ фотографическомъ снимкѣ Саблина нѣкоторое сходство съ Прохоровскимъ, открывшимъ въ **его домѣ торговлю бакалейнымъ товаромъ (т. V л. 311—312).**

По осмотрѣ помѣщенія подъ № 7 въ вышеозначенномъ домѣ Галки № 47, по Итальянской улицѣ, которое по удостовѣренію домохозяина было занято весной 1880 года бакалейной торговлей Прохоровскихъ, оказалось, что въ дѣломъ углу лавки сначала половицы, по распоряженію домохозяина, починены мѣстами новыми досками, какая починка, по заявленію того же Галка, была произведена по его распоряженію (т. V л. 413).

Бывшій весной 1880 года дворникомъ дома № 5 по Троицкой улицѣ, отставной рядовой Костинъ призналъ въ фотографическомъ снимкѣ Анны Якимовой лицо похожее **на жену Потапова (т. V л. 316).**

По предъявленіи служащимъ въ Одесской городской больницѣ: надзирателю Михайлову, фельдшерицѣ Семеновой и служителю Малеевскому фотографическихъ карточекъ Исаева и Якимовой, первыя изъ нихъ призналъ большое сходство Исаева съ больнымъ, лежавшимъ въ больницѣ лѣтомъ 1880 г., вторая — положительно признала въ Исаевѣ лежавшаго въ больницѣ весной 1880 года Сергѣя Потапова, у котораго были оторваны три пальца на одной изъ рукъ и къ которому ходила женщина, называвшаяся его женой, а третій — нашелъ въ карточкѣ Исаева большое сходство съ больнымъ, лежавшимъ въ больницѣ въ Апрѣлѣ или Маѣ 1880 г., съ тремя оторванными пальцами на рукѣ, положительно призналъ въ карточкѣ Якимовой женщину, посѣщавшую означеннаго больнаго **и именовавшуюся его женой (т. V л. 313, 314 и 317).**

Осмотромъ книги дома № 81 по Старо-Портофранковской улицѣ удостовѣрено, что съ Октября 1879 года по Іюль 1880 года въ означенномъ домѣ проживали Елисаветградскіе мѣщане Левъ Іогановъ и Сарра Соломоны-Златопольскіе (т. II л. 175).

Мастеръ водопроводной мастерской Банка мѣщанинъ Литвинцевъ удостовѣрилъ, что лѣтомъ 1880 г. по въ какомъ мѣсяцѣ не помнитъ, со двора Банка были принесены вновь сдѣланныя имъ 12 отливокъ [illegible] трубъ и [illegible] трубъ, которыя привезено было изъ [illegible], назначенныя [illegible] были вставлены въ [illegible]. Свидѣтель, какъ свидѣтель отлилъ отъ [illegible] заклепки, крылъ [illegible], осматривалъ нарѣзы и затѣмъ ихъ [illegible] и [illegible], какія трубы оставлены [illegible] работы Лихтенштейна, при [illegible] при [illegible] трубъ, въ предъявленной ему карточкѣ Левы Іоганова признать [illegible] съ [illegible] при этомъ [illegible] его, сходство съ [illegible] (т. V л. 135).

Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей Левъ Златопольскій отрицалъ всякое свое участіе въ какой либо революціонной пропагандѣ и равно и существованіе Потемкина и Мерцалова, объявилъ что въ Одессѣ онъ [illegible] года, [illegible] раза или три въ годъ. Изъ [illegible] онъ [illegible] въ С.-Петербургѣ въ [illegible] году, во время пребыванія въ Одессѣ Императора Александра II, [illegible] отсутствіе [illegible] въ Николаевѣ и [illegible] при [illegible] не [illegible] и объ [illegible] не [illegible] и въ **нихъ участія не принималъ (т. II л. 235 и т. VI л. 288).**

[illegible] (т. I л. [illegible])

X.

Приготовленія къ цареубійству въ гор. С.-Петербургѣ лѣтомъ 1880 года.

Изъ дальнѣйшихъ объясненій обвиняемаго Василія Меркулова получены были нижеслѣдующія свѣдѣнія о приготовляемомся въ г. С.-Петербургѣ лѣтомъ 1880 года посягательствѣ на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Катаясь, однажды, въ началѣ лѣта на лодкѣ вмѣстѣ съ Желябовымъ, Пресняковымъ, Грачевскимъ, Барановниковымъ (извѣстнымъ ему въ то время подъ именемъ „Перфирія"), Александромъ Михайловымъ, именовавшимся тогда „Иваномъ Петровымъ" и Тетеркой, Меркуловъ слышалъ происходившій между этими лицами разговоръ о необходимости заложить динамитъ подъ какой-то мостъ по Гороховой улицѣ, съ цѣлью посягнуть на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, причемъ „Перфирій" (Баранниковъ) предлагалъ одновременно съ взрывомъ моста примѣнить и метательные снаряды. Изъ содержанія разговора Меркуловъ заключилъ, что совершеніе этого преступленія было уже раньше рѣшено между соучастниками. Чрезъ нѣкоторое время послѣ упомянутой прогулки, по отбытіи уже ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ Ливадію, Меркуловъ, отправившись на свиданіе съ Желябовымъ на каналъ близъ Михайловскаго сада, встрѣтилъ тамъ Александра Михайлова и нѣкоего Мартынова, оказавшагося впослѣдствіи Ланганомъ, слѣдившихъ за появленіемъ полиціи. Желябовъ прибылъ скоро на мѣсто свиданія въ лодкѣ, вмѣстѣ съ Тетеркой и Барановниковымъ, при чемъ послѣдній отдалъ Меркулову на сохраненіе два желѣзныхъ пятилапчатыхъ якорька-кошки, а Тетерка объяснилъ ему, что они ѣздили извлекать динамитъ изъ подъ какого-то моста по Гороховой улицѣ, но не могли его достать, такъ какъ кошки не захватывали достаточно глубоко. Упомянутыя кошки Меркуловъ оставилъ впослѣдствіи своему квартирному хозяину, въ домѣ № [illegible] по Забалканскому проспекту, Никифору Дмитріеву (т. II л. 325, т. V л. 43 и т. IV л. 270).

Обвиняемый Макаръ Тетерка, подтверждая въ общихъ чертахъ заявленіе Меркулова о готовившемся лѣтомъ 1880 г. посягательствѣ на жизнь въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, посредствомъ взрыва одного изъ мостовъ, лежащихъ на пути обычнаго слѣдованія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА отъ вокзала Царскосельской желѣзной дороги къ Зимнему Дворцу, объяснилъ, что покушеніе это было рѣшено на сходкѣ, собравшейся въ какомъ-то трактирѣ, въ которой принимали участіе кромѣ него самого: Желябовъ, Пресняковъ, Меркуловъ, Барановниковъ и, кажется, еще двое неизвѣстныхъ ему лицъ. Чрезъ нѣсколько дней Тетерка, по указанію Желябова, пріѣхалъ въ квартиру, [illegible]шавшуюся въ одной изъ улицъ близъ Троицкаго переулка и тамъ, спросивъ „подушку", получилъ отъ неизвѣстнаго ему человѣка корзину, въ которой лежала завернутая въ рогожу гуттаперчевая подушка, вѣсомъ около 2-хъ пудовъ, которую онъ, Тетерка, и привезъ въ Петровскій паркъ, гдѣ его уже ожидали Желябовъ и Пресняковъ. Усѣвшись втроемъ въ лодку, гдѣ уже находилась такая же подушка и проволоки, соучастники выѣхали сначала на взморье и тамъ связали объ подушки веревками, а затѣмъ, Фонтанкой и Крюковымъ каналомъ проѣхали въ Екатерининскій, гдѣ, подъ Каменнымъ мостомъ и погрузили подушки въ воду, прикрѣпивъ конецъ веревки и проволоки проводниковъ къ находившемуся близъ моста выше по теченію, плоту, на которомъ устроена прачешная. По состоявшемуся между участниками преступленія соглашенію, взрывъ долженъ былъ произвести Желябовъ, при содѣйствіи Тетерки во время проѣзда ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА черезъ мостъ. Въ назначенный день и часъ Тетерка, имѣя при себѣ корзину съ картофелемъ, долженъ былъ сойтись съ Желябовымъ у Чернышева моста и отправиться вмѣстѣ съ нимъ на плотъ, къ которому были прикрѣплены проводники, гдѣ, подъ видомъ перемывки картофеля, соединить проводники съ баттареей, которую взялся привезти Желябовъ. Въ назначенное однако время Тетерка, по неимѣнію часовъ, не явился своевременно на мѣсто свиданія, а въ тотъ же самый день въ Бозѣ почившій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ прослѣдовалъ черезъ С.-Петербургъ на южный берегъ Крыма. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, ночью, тѣже лица поѣхали

поднимать подушки съ динамитомъ со дна канала, но не успѣли въ этомъ, такъ какъ имѣвшіяся у нихъ кошки не захватывали своими лапками подушекъ (т. II л. 432—433).

Свидѣтель кузнечнаго цеха мастеръ Никифоръ Дмитріевъ представилъ къ дѣлу двѣ кошки, подаренныя ему Меркуловымъ, нанимавшимъ у него комнату подъ именемъ мѣщанина Сергѣя Ланина, по паспорту, данному ему въ Одессѣ Златопольскимъ (т. II л. 111, 387 и 410).

По тщательномъ изслѣдованіи дна Екатерининскаго канала, подъ Каменнымъ мостомъ и близъ него, 4 Мая и 6 Іюня 1881 года были обнаружены 4 гуттаперчевыя подушки, наполненныя чернымъ динамитомъ, въ количествѣ около 7 пудовъ. Первыя двѣ подушки, лежавшія рядомъ, саженяхъ въ 10 отъ моста, ниже по теченію, не имѣли при себѣ ни запальныхъ зарядовъ, ни проводниковъ, вторыя же, найденныя впослѣдствіи нѣсколько далѣе первыхъ, были спутаны проволоками и содержали въ себѣ запальные стаканы съ пропущенными въ нихъ проводниками, заряженные крошенымъ пироксилиномъ, смоченнымъ нитроглицериномъ.

Эксперты, производившіе осмотръ и химическое изслѣдованіе вышеозначенныхъ минъ, пришли къ слѣдующимъ выводамъ:

1) внѣшній видъ гуттаперчевыхъ оболочекъ указываетъ на весьма продолжительное пребываніе ихъ въ водѣ, при чемъ, по имѣющимся на нихъ крестообразнымъ впадинамъ можно заключить, что подушки эти были связаны между собой;

2) заключавшійся въ подушкахъ черный динамитъ, частью подмоченный, по химическому своему составу близко подходитъ къ динамиту, вынутому изъ мины, подведенной подъ М. Садовую улицу изъ лавки Кобозева, и

3) система запаловъ не представляетъ ничего новаго, укупорка же ихъ настолько удовлетворительна, что весь зарядъ сохранился сухимъ (т. VI л. 300, 304—305 и 307—308).

Указаніе обвиняемаго Тетерки на неизвѣстное лицо, передавшее ему подушку съ динамитомъ, повлекло за собой привлеченіе къ настоящему дѣлу Григорія Исаева, который, признавая свое участіе въ вышеизложенномъ преступномъ замыслѣ на жизнь въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, объяснилъ, что заключавшіеся въ подушкахъ динамитъ и запальные заряды приготовлены имъ съ цѣлью покушенія на цареубійство, при чемъ онъ принималъ и непосредственное участіе въ самомъ заложеніи мины подъ мостомъ (т. VI л. 284).

Обвиняемый Александръ Баранниковъ сознался въ томъ, что лѣтомъ 1880 года, съ цѣлью произвести взрывъ при проѣздѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, принималъ участіе въ заложеніи динамита подъ мостомъ на Гороховой улицѣ, а затѣмъ, по отъѣздѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ Ливадію, вмѣстѣ съ другими лицами, вытащить заложенный динамитъ, но безуспѣшно (т. IV л. 210).

Обвиняемый Александръ Михайловъ заявилъ, что не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о готовившемся покушеніи на цареубійство вышеописаннымъ способомъ (т. II л. 233).

XI.

Покушеніе на кражу изъ Кишиневскаго Губернскаго Казначейства.

Въ Декабрѣ 1880 года, въ городѣ Кишиневѣ, по Варѳоломѣевскому переулку, по сосѣдству Шлиссельбургской гостиницы, во флигелѣ, рядомъ съ Губернскимъ Казначействомъ, поселились неизвѣстные мужчина и женщина подъ именемъ супруговъ Мирошенко (т. V л. 337).

[illegible] **была нанята ими на годъ (т. V л. 339, 340 и 341).**

[illegible] **(т. V л. 334 и 335).**

[illegible] Меркуловъ признался себя причастнымъ къ [illegible] между прочимъ, сказалъ, что въ Декабрѣ 1880 года, получивъ отъ [illegible] деньги, по поручению [illegible] Фроленка, Фридеисона и Лобанова, отправился въ Кишиневъ съ обвиняемыми Фроленко, Фридеисономъ и Лобановымъ, въ Кишиневѣ для совершенія кражи изъ мѣстнаго Казначейства и пріискать удобное помѣщеніе, вскорѣ и нашли квартиру Фроленка и Лобанова, проживавшихъ подъ именемъ супруговъ Мировскихъ, а затѣмъ [illegible] по поручению Фроленка въ Одессу, гдѣ черезъ рабочаго Попова вошелъ въ сношеніе съ обвиняемымъ Тригони и [illegible] приготовить въ Одессѣ квартиру, въ которой можно было-бы скрыться въ случаѣ удачи и кражи изъ Казначейства. По показанію Меркулова, Фроленко оставался въ Кишиневѣ недолго и оттуда уѣхалъ, по порученію Фроленка, для того, чтобы выбрать другое Казначейство, изъ котораго можно было бы удобнѣе совершить кражу (т. IV л. 156, 325, 326 и т. V л. 334 и 24).

Приведенное показаніе Меркулова въ соотвѣтствующихъ частяхъ вполнѣ подтвердилось какъ отмѣткою въ книгѣ лицъ, пріѣзжавшихъ въ гор. Кишиневъ, о пріѣзжихъ въ концѣ 1880 года чиновникѣ Попѣ Мировскомъ съ женою Елизаветѣ Александровнѣ, такъ равно и показаніемъ свидѣтеля Берки Бровель, принявшаго въ Меркуловѣ лицо, бывшее въ Кишиневѣ зимою 1880 г. (т. V л. 337 и 338).

Что же касается до упоминаемаго въ показаніи Меркулова — Попова, то послѣдній объяснилъ, что въ Декабрѣ 1880 г. Меркуловъ дѣйствительно пріѣзжалъ въ Кишиневъ въ Одессу для переговоровъ чрезъ его посредство съ Тригони (т. V л. 339).

Тригони, въ свою очередь, отрицая всякое отношеніе свое къ покушенію на кражу изъ Кишиневскаго Казначейства, вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ, что въ концѣ 1880 года онъ видѣлся въ Одессѣ съ пріѣзжавшимъ изъ Кишинева Меркуловымъ, который говорилъ ему, что въ Одессѣ нужна будетъ для кого-то квартира, но для чего и для кого именно, ему Меркуловъ не передавалъ, а онъ, Тригони, въ виду отсутствія этихъ указаній, не пожелалъ оказать Меркулову содѣйствія (т. V л. 2-41).

По задержаніи Фроленка 25-го Января 1881 года **подъ фамиліею Агаческулова**, при обыскѣ въ его квартирѣ, между прочимъ, былъ найденъ аттестатъ на имя служившаго въ Канцеляріи Ковенскаго Губернскаго Предводителя Дворянства Андрея Иванова Коморскаго, оказавшійся, какъ и видъ на имя Агаческулова, подложными (т. I л. 251, 252, 359, 360 и т. III л. 42 и 43).

Отвергая справедливость оговора Меркулова, обвиняемый Фроленко тѣмъ не менѣе призналъ, что въ Декабрѣ 1880 года онъ дѣйствительно былъ въ Кишиневѣ, но съ какою цѣлью объяснить не желаетъ (т. II л. 388).

Осмотромъ книгъ пріѣзжающихъ въ „Шевардинскія гостинницу" гор. Кишинева установлено, что въ Декабрѣ 1880 года Фроленко проживалъ въ означенной гостинницѣ по отобранному у него при обыскѣ подложному виду на имя Коморскаго (т. V л. 346).

По предъявленіи обвиняемаго Михаила Фроленко содержателю Шевардинской гостинницы въ гор. Кишиневѣ Карлу Самолини, послѣдній призналъ въ немъ того самого

человѣка, который въ концѣ 1880 года нанялъ у него во флигелѣ, съ неизвѣстною женщиною, подъ именемъ супруговъ Мироненко, квартиру, изъ которой впослѣдствіи былъ обнаруженъ начатый и затѣмъ оставленный подкопъ подъ Казначейство (т. V л. 339 и 341).

Обвиняемый Фроленко, уклоняясь отъ подробныхъ объясненій, призналъ свое участіе въ покушеніи на кражу изъ Кишиневскаго Казначейства, заявивъ, что показаніе Самодини онъ признаетъ справедливымъ (т. V л. 172, 173, 339 и 344).

По заарестованіи затѣмъ 4 Сентября 1881 года обвиняемой Татьяны Лебедевой, она, признавая принадлежность свою къ террористической фракціи „соціально-революціонной партіи", показала, что съ конца 1880 года и до половины Января 1881 года она проживала въ Кишиневѣ въ качествѣ квартирной хозяйки, подъ именемъ Елизаветы Александровой Мироненко, съ цѣлью совершить посредствомъ подкопа похищеніе денегъ изъ Казначейства (т. VII л. 6 и 7).

Свидѣтель Самодини призналъ въ Лебедевой лицо, проживавшее въ Кишиневѣ съ Мироненко въ качествѣ его жены (т. VII л. 29).

XII.

Злодѣяніе 1-го Марта 1881 года.

1-го Марта 1881 года, въ Воскресенье, въ 3-мъ часу пополудни, въ С.-Петербургѣ, на набережной Екатерининскаго канала, совершилось величайшее злодѣяніе, жертвою котораго палъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ.

При изслѣдованіи этого горестнаго событія выяснилось и приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената по дѣлу о виновникахъ злодѣянія признано, что планъ его былъ составленъ злоумышленниками еще въ концѣ 1880 года, когда начаты были и всѣ приготовленія къ приведенію злодѣйскаго умысла въ исполненіе. Сущность означеннаго плана заключалось въ томъ чтобы, изучивъ предварительно обычное направленіе и время проѣздовъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА по улицамъ столицы, совершить затѣмъ посягательство на жизнь ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, смотря по обстоятельствамъ, однимъ изъ слѣдующихъ двухъ, заранѣе подготовленныхъ, способовъ: посредствомъ взрыва мины, заложенной въ подкопѣ, проведенномъ изъ сырной лавки Кобозева, въ домѣ Графа Менгдена, подъ М. Садовую улицу, или же посредствомъ метательныхъ снарядовъ, брошенныхъ во время проѣзда ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Изъ этихъ двухъ способовъ первый оказался неисполнимымъ, такъ какъ въ день избранный для совершенія злодѣянія, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ не изволилъ прослѣдовать по Малой Садовой, вслѣдствіе чего былъ примѣненъ второй способъ,—дѣйствіе метательными снарядами, взрывъ которыхъ 1-го Марта, на Екатерининскомъ каналѣ, причинилъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ тяжкія поврежденія, повлекшія за собою того же числа мученическую кончину незабвеннаго Монарха и, сверхъ того, имѣвъ послѣдствіемъ причиненіе болѣе или менѣе опасныхъ поврежденій 9-ти лицамъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Свиты и 10-ти посторонним, случайно находившимся на мѣстѣ злодѣянія (дѣло о злод. 1 Марта т. I л. 85, т. II л. 37).

Вышеупомянутымъ приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената за злодѣяніе это осуждены и понесли наказаніе шесть лицъ, изъ числа которыхъ, какъ установлено приговоромъ, государственные преступники Андрей Желябовъ и Софья Перовская руководили преступнымъ замысломъ, а послѣдняя, кромѣ того, и его исполненіемъ. Николай Рысаковъ бросилъ первый метательный снарядъ подъ карету ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Николай Кибальчичъ приготовилъ въ качествѣ техника метательные снаряды. Гиморій Михайловъ былъ однимъ изъ участниковъ заговора и его осуществленія, а Геся Гельфманъ была хозяйкой конспиративной квартиры злоумышленниковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, при томъ же изслѣдованіи, а послѣдовательно и при судебномъ разсмотрѣніи дѣла о злодѣяніи 1-го Марта, сообщниковъ указаны не одни только изъ числа кромѣ вышеименованныхъ лицъ, изъ числа которыхъ 17 привлечено къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ, а именно: Григорій Исаевъ, Николай Колодкевичъ, Александръ Баранниковъ, Михаилъ Фроленко, Михаилъ Тригони, Николай Сухановъ, Иванъ Емельяновъ, Василій Меркуловъ, Петръ Тычининъ, Мартынъ Ланге, Анна Якимова, **Татьяна Лебедева и Елизавета Оловенникова.**

Первоначальными поводами къ обнаженію названныхъ лицъ въ участіи въ злодѣяніи 1-го Марта послужили подробныя показанія нынѣ казненнаго государственнаго преступника Николая Рысакова и обвиняемаго Василія Меркулова, изложенныя ими послѣ полнаго сознанія по отношенію къ нимъ самимъ и согласно съ обстоятельствами дѣла оговора **другихъ обвиняемыхъ.**

По объясненію Рысакова, сойдясь съ осени 1880 г. съ Желябовымъ и, вступивъ подъ его вліяніемъ въ революціонную организацію рабочихъ, онъ сошелся и съ другими революціонными дѣятелями, находившимися съ Желябовымъ въ болѣе или менѣе частыхъ сношеніяхъ. Такъ онъ зналъ Баранникова подъ прозвищемъ „Петровскій", который однажды при немъ приходилъ на свиданіе съ Желябовымъ на Конно-гвардейскій бульваръ; Колодкевича—подъ прозваніемъ „Котъ-Мурлыка", который вмѣстѣ съ Баранниковымъ слѣдилъ за нимъ, Рысаковымъ, когда онъ по порученію Исаева перевозилъ типографскій станокъ съ вокзала Николаевской желѣзной дороги, и Меркулова (онъ же Яковенко), называвшагося „Василіемъ", котораго онъ, Рысаковъ, видѣлъ въ конспиративной квартирѣ Саблина и Геси Гельфманъ, въ Телѣжной улицѣ, гдѣ Меркуловъ, повидимому, даже проживалъ. Во время приготовленій къ совершенію новаго посягательства на жизнь въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, онъ, Рысаковъ, принималъ участіе въ устроенныхъ подъ руководствомъ Перовской наблюденіяхъ за выѣздами ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Наблюденія эти производили кромѣ его, Рысакова, Аркадій Тырковъ, Петръ Тычининъ и Елизавета Оловенникова, которые объ всемъ имъ увидѣнномъ сообщали Перовской въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ, въ квартирѣ хозяйки которой была Оловенникова, извѣстная Рысакову подъ именемъ „Анны", а также и въ квартирѣ Тычинина. Въ декабрѣ 1880 года Рысаковъ познакомился съ членомъ общества, который назывался „Григоріемъ", и руки котораго, при встрѣчахъ его съ Рысаковымъ были всегда вымазаны во что-то черное, вслѣдствіе чего Рысаковъ первоначально предположилъ, что онъ занимается типографской работой, а впослѣдствіи пришелъ къ заключенію, что „Григорій" приготовляетъ динамитъ, тѣмъ болѣе что по словамъ Колодкевича—техника, занимавшагося изготовленіемъ метательныхъ снарядовъ. „Григорій" долженъ былъ 28 Февраля прійти на конспиративную квартиру на Телѣжной улицѣ, извѣстную лишь немногимъ и при томъ главнѣйшимъ участникамъ преступныхъ приготовленій. Утромъ 1-го Марта Рысаковъ видѣлъ „Григорія" въ числѣ другихъ своихъ знакомыхъ на Невскомъ проспектѣ, ожидающихъ проѣзда ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. На призывъ Желябова совершить цареубійство отозвались кромѣ его, Рысакова, Тимофея Михайлова, „Михайла Ивановича" по прозванію „Котикъ", у котораго при встрѣчѣ еще человѣкъ, называвшійся »Михаиломъ,« съ которымъ незадолго передъ тѣмъ его, Рысакова, познакомилъ Желябовъ, какъ съ »товарищемъ по дѣлу.« Человѣкъ этотъ, носившій также прозвище »Сугубаго,« жилъ легально и имѣлъ знакомства въ обществѣ. Зная хорошо системы револьверовъ, онъ, по выраженію Желябова, былъ оружіемъ участниковъ преступленія. Рысаковъ видѣлъ его въ конспиративной квартирѣ по Телѣжной улицѣ, откуда »Михаилъ« или »Сугубый« получилъ 1-го Марта метательный снарядъ и въ числѣ четырехъ метальщиковъ отправился ожидать проѣзда ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, при чемъ долженъ былъ стоять на назначенномъ ему мѣстѣ, на углу Невскаго проспекта и М. Садовой. Въ случаѣ же неудачи предположеннаго взрыва на М. Садовой, **»Сугубый« долженъ былъ, вмѣстѣ съ другими метальщиками, спѣшить на Екатерининскій каналъ и здѣсь ожидать возвращенія ГОСУДАРЯ въ Зимній Дворецъ.** Дѣло о злод. 1-го Марта т. I л. 259, настоящ. дѣло т. II л. 35, 71 и 91.

Обвиняемый Меркуловъ, сознаваясь въ участіи при приготовленіяхъ къ злодѣянію **1 Марта, показалъ, что въ 20 числахъ Января 1881 года, по возвращеніи своемъ** въ С.-Петербургъ изъ Кишинева, послѣ неудавшагося тамъ покушенія на кражу изъ

мѣстнаго Казначейства, онъ узналъ отъ Исаева, что ему, Меркулову, нужно поступить въ сырную лавку Кобозева на М. Садовой «за молодца.» Исполнивъ это требованіе Исаева, обвиняемый, однако же, прослужилъ у Кобозева не болѣе 3 дней, такъ какъ по росту оказался негоднымъ въ „молодцы," да къ тому же не умѣлъ рѣзать сыръ. Продолжая и послѣ того посѣщать лавку Кобозева, отъ котораго ему случалось получать деньги и сыръ, онъ, Меркуловъ, видѣлъ всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ эту лавку. Женою Кобозева была Якимова; къ нимъ приходили Желябовъ, Кибальчичъ, Саблинъ, „Котикъ" или „Михаилъ Ивановичъ," Тригони, котораго онъ, Меркуловъ, зналъ подъ именемъ „Михаила Николаевича", Ланганзъ, подъ именемъ „Мартына" или „нѣмца," недавно передъ тѣмъ пріѣхавшій изъ за границы, Фроленко—подъ именемъ Александрова и наконецъ флотскій лейтенантъ, оказавшійся впослѣдствіи Сухановымъ. Изъ поименованныхъ лицъ, какъ извѣстно обвиняемому, Тригони, Ланганзъ, Сухановъ и Фроленко работали въ подкопѣ, проведенномъ изъ лавки подъ улицу М. Садовую. Обвиняемый полагаетъ, что кромѣ этихъ лицъ въ томъ же подкопѣ работалъ и Баранниковъ, подъ именемъ „Порфирія," о чемъ онъ, Меркуловъ, заключаетъ изъ сожалѣнія, высказаннаго по поводу ареста Баранникова Кобозевымъ, который, назвавъ при этомъ „Порфирія" хорошимъ работникомъ, добавилъ, что они вмѣстѣ съ нимъ ломали для подкопа стѣну, а предварительно, для размягченія цемента и кирпичей, обливали ее какою-то кислотой. 25-го Февраля Меркуловъ засталъ въ лавкѣ Кобозева Фроленко, Ланганса и Суханова, которые при немъ переодѣлись въ рабочее платье, очевидно намѣреваясь идти въ подкопъ; затѣмъ Сухановъ подошелъ къ окну, въ жиломъ помѣщеніи, и отодвинулъ доску, закрывавшую отверстіе подкопа, которое обвиняемый тогда увидѣлъ въ первый разъ. 26 Февраля Меркуловъ былъ у Желябова, гдѣ засталъ Суханова, и по порученію Желябова отвезъ въ лавку Кобозева нѣсколько пустыхъ холщевыхъ мѣшковъ. 27 Февраля, въ день своего ареста, обвиняемый, придя вновь къ Желябову, нашелъ у него Тригони, съ которымъ они пили чай; Тригони говорилъ Желябову, что въ подкопѣ работа чѣмъ-то затрудняется и прибавилъ: „пожалуй, еще не успѣемъ". Въ это же послѣднее свое посѣщеніе Меркуловъ получилъ отъ Желябова для доставленія Кобозеву большую бутыль, фунтовъ 10 вѣсомъ, завязанную въ мѣшокъ. Еще ранѣе этого недѣли за двѣ до своего ареста, Меркуловъ ѣздилъ въ Парголово вмѣстѣ съ Желябовымъ, Кибальчичемъ, „Котикомъ", Рысаковымъ, Тимофеемъ Михаиловымъ и „Сугубымъ" пробовать метательные снаряды. Вышеозначеннаго „Михаила" или „Сугубаго", котораго Меркуловъ видѣлъ въ конспиративной квартирѣ по Тележной улицѣ, обвиняемый призналъ въ Емельяновѣ (т. II л. 189, 226, 321, 323).

Іознаніемъ выяснено, что упоминаемый обвиняемыми Рысаковымъ и Меркуловымъ „Михаилъ Ивановичъ" онъ же, „Котикъ", бросившій 1-го Марта на Екатерининскомъ каналѣ второй, смертоносный для почившаго Монарха, снарядъ, проживалъ въ С.-Петербургѣ подъ именемъ Ельникова, а въ дѣйствительности былъ—бывшій студентъ С.-Петербургскаго Практическаго Технологическаго института, дворянинъ Гродненской губерніи, Бѣльскаго уѣзда **Игнатій Іоахимовъ Гриневицкій (т. II л. 162, 329).**

На основаніи подробно описанныхъ Рысаковымъ примѣтъ „Михаила" или „Сугубаго", могъ послѣдній быть розысканъ и 14 Апрѣля 1881 г. задержанъ въ С.-Петербургѣ въ своей квартирѣ, при чемъ оказался сыномъ псаломщика Иваномъ Павтелеймоновымъ Емельяновымъ, проживавшимъ подъ своими собственными фамиліею и видомъ **на жительство (т. II л. 279, 281, 378).**

Привлеченный къ дознанію въ качествѣ обвиняемаго, Емельяновъ показалъ, что поступивъ въ концѣ 1880 года въ число членовъ „соціально-революціонной партіи", онъ, несмотря на свои усердныя занятія науками и литературой, находилъ время принимать активное участіе въ дѣлахъ партіи, главнымъ же образомъ въ злодѣяніи 1 Марта. Относительно участія своего Емельяновъ изложилъ въ нижеслѣдующихъ собственноручно имъ написанныхъ словахъ: „Я былъ въ качествѣ начальника вооруженнаго разрывнымъ снарядомъ стоялъ на углу Невскаго и Малой Садовой, а затѣмъ у Театральнаго моста. Въ самый моментъ послѣдовавшихъ взрывовъ отъ снарядовъ, брошенныхъ Рысаковымъ, и лишь только мнѣ извѣстно было имя Михаила Ивановича, я находился шагахъ въ 30 отъ погибшаго ИМПЕРАТОРА, и когда ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ увезъ и я совершенно инстинктивно имѣя подъ рукой мишень аберрутки въ газет-

ную бумагу снарядъ, бросился вмѣстѣ съ другими къ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ чтобы подать ему помощь». Изъ дальнѣйшихъ за тѣмъ объясненій Емельянова видно, что за недѣлю до 1-го Марта онъ ѣздилъ въ Парголово вмѣстѣ съ другими лицами для испытанія снарядовъ. О подкопѣ въ Малой Садовой онъ узналъ впервые лишь утромъ 1-го Марта, въ конспиративной квартирѣ по Тележной улицѣ, отъ Перовской, которая сообщила, что на Малой Садовой и должень сначала послѣдовать, какъ она выразилась, центральный ударъ. Кромѣ обвиняемаго, метальщиками были еще Рысаковъ, „Михаилъ Ивановичъ“ и Тимофей Михайловъ. Послѣ злодѣянія онъ, Емельяновъ, отнесъ свой снарядъ обратно въ Тележную улицу на конспиративную квартиру (т. II л. 318.)

По обыску, произведенному въ означенной квартирѣ 3-го Марта 1881 года, были между прочимъ найдены два вполнѣ заряженные метательные снаряда (дозн. о злод. 1 Марта 1881 года т. I л 113—118, 180 и слѣд.).

При задержаніи 1 Апрѣля въ С.-Петербургѣ обвиняемаго Григорья Исаева у него найдены были по обыску 2 экземпляра рукописи о приготовленіи динамита нитроглицерина, гремучей ртути и о способахъ взрыва (т. II л. 203).

Признавая свое участіе въ злодѣяніи 1-го Марта, обвиняемый Исаевъ показалъ, что послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ покушеній на цареубійство „исполнительный комитетъ“ сформировалъ группу техниковъ и предложилъ имъ выработать наилучшіе способы для достиженія цѣли. Въ исполненіе такого порученія, упомянутые техники предложили нѣсколько способовъ, изъ которыхъ „комитетъ“ выбралъ два: мину на М. Садовой и метательные снаряды. По отношенію къ этимъ послѣднимъ вопросъ сводился къ тому, чтобы изобрѣсти такой способъ воспламененія, при которомъ взрывъ происходилъ бы моментально. Послѣ того какъ было признано неудобство нѣсколькихъ послѣдовательно проектированныхъ системъ, онъ, Исаевъ, предложилъ ту систему трубокъ, которая и была примѣнена въ метательныхъ снарядахъ, послужившихъ орудіями злодѣянія 1 Марта. Означенная система была одобрена, провѣрена на опытахъ, объяснена участникамъ и затѣмъ приложена къ дѣлу. Бывая въ лавкѣ Кобозева, обвиняемый принималъ участіе въ земляныхъ работахъ по подкопу и присутствовалъ при окончательной закладкѣ заряда, наблюдая, въ качествѣ техника, чтобы все было въ исправности. Здѣсь онъ видѣлъ, между прочимъ Якимову и Ланганса. Что же касается до найденной у него рукописи о взрывчатыхъ веществахъ, то одинъ экземпляръ ея писанъ рукою Кибальчича (т. II л. 125, т. VI л. 283).

Изъ послѣднихъ показаній нынѣ казненнаго государственнаго преступника Кибальчича видно, что при изготовленіи метательныхъ снарядовъ, посредствомъ которыхъ было совершено злодѣяніе 1 Марта ему помогали два техника, участвовавшіе, наравнѣ съ нимъ, какъ въ изобрѣтеніи упомянутыхъ снарядовъ, такъ и въ самомъ устройствѣ ихъ (дозн. о злод. 1 Марта т. VII л. 42).

По предъявленіи обвиняемому Меркулову, задержаннаго по розыскнымъ даннымъ, обвиняемаго Николая Суханова, Меркуловъ призналъ въ немъ того самаго флотскаго офицера, котораго онъ видѣлъ въ квартирѣ Желябова, а затѣмъ въ лавкѣ Кобозева, готовившимся работать въ подкопѣ. По объясненію Меркулова Сухановъ являлся въ лавку Кобозева въ статскомъ черномъ пальто и круглой шляпѣ (т. II л. 391).

Это послѣднее указаніе подтвердилось результатомъ произведеннаго у Суханова обыска, при которомъ были найдены статское черное пальто и круглая поярковая шляпа (т. VI л. 24).

Обвиняемый Сухановъ, признавая свое участіе въ злодѣяніи 1-го Марта, показалъ, что, будучи знакомъ съ Желябовымъ, Перовскою, Кибальчичемъ и Колодкевичемъ еще съ зимы 1879 г., онъ лишь въ Февралѣ 1881 г. приступилъ къ активной революціонной дѣятельности. По приглашенію и указаніямъ Желябова въ 20 числахъ Февраля обвиняемый явился въ лавку Кобозева, гдѣ и принялъ участіе въ работахъ по проведенію подкопа, который засталъ уже доведеннымъ до водосточной трубы. Затѣмъ на квартирѣ Желябова онъ

снарядилъ мину для подкопа и, кромѣ того, на другой квартирѣ, указать которую не желаетъ, участвовалъ въ теоретической разработкѣ метательныхъ снарядовъ. Кромѣ того, 28-го Февраля онъ помогалъ другому лицу чинить и собирать части этихъ снарядовъ. Изъ числа обвиняемыхъ, онъ, Сухановъ, зналъ Исаева, у котораго бывалъ на квартирѣ, по Вознесенскому проспекту, гдѣ Исаевъ жилъ съ Вѣрой Филипповой; Якимову, которую видѣлъ въ лавкѣ Кобозева въ качествѣ его жены и Ланганса, котораго встрѣчалъ у Желябова (т. II л. 392, т. VI л. 293).

Обвиняемая Анна Якимова, сознавшаяся въ участіи въ злодѣяніи 1 Марта, была признана дворниками дома Графа Менгдена, по М. Садовой, Никифоромъ Самойловымъ и Никифоромъ Ульяновымъ за женщину, проживавшую вмѣстѣ съ Кобозевымъ подъ видомъ его жены (т. V л. 109, т. VI л. 208 и 219).

Обвиняемый Михаилъ Тригони, признавая свое знакомство съ Желябовымъ, Меркуловымъ, Кобозевымъ и Сухановымъ, первоначально объяснилъ, что о подкопѣ въ М. Садовой онъ узналъ отъ своего университетскаго товарища Желябова, который 24 Февраля привелъ его въ лавку Кобозева, гдѣ онъ, Тригони, въ теченіи одного вечера, работалъ въ подкопѣ. Впослѣдствіи же, въ нѣкоторое измѣненіе своего вышеприведеннаго объясненія, Тригони показалъ, что хотя онъ и зналъ отъ Желябова о подкопѣ изъ М. Садовой, но въ лавкѣ Кобозева былъ случайно и участія въ работахъ по подкопу не принималъ (т. II л. 431, т. IV л. 359).

Обвиняемый Николай Колодкевичъ сознался въ томъ, что въ половинѣ Января 1881 года, не задолго до своего ареста, бывалъ въ лавкѣ Кобозева и принималъ участіе въ работахъ по разобранію стѣны, чрезъ которую предполагалось вести подкопъ, для совершенія новаго покушенія на цареубійство. При этомъ Колодкевичъ призналъ свое знакомство какъ съ лицами, уже осужденными за злодѣяніе 1 Марта, такъ и съ обвиняемыми по настоящему дѣлу: Фроленко, Тригони, Оловенниковой и Арончикомъ (т. II л. 84).

По разсмотрѣніи, при участіи эксперта миннаго офицера Лейтенанта Смирнова, записей, сдѣланныхъ Колодкевичемъ въ записной книжкѣ, найденной у него по обыску при задержаніи его 26 Января, оказалось, что въ запискхъ этихъ заключаются свѣдѣнія объ изготовленіи разныхъ веществъ для стопина, гремучаго студня, гремучей ртути, а также таблица удѣльнаго вѣса динамитовъ разнаго состава (т. VI л. 320).

Обвиняемый Александръ Баранниковъ сознался въ томъ, что въ Январѣ 1881 г., въ лавкѣ Кобозева, вмѣстѣ съ другими лицами, ломалъ наружную стѣну для проведенія подкопа подъ М. Садовую, при чемъ объяснилъ, что до его ареста (25 Января), успѣли только разобрать стѣну, самый же подкопъ еще начатъ не былъ (т. IV л. 210).

Обвиняемый Михаилъ Фроленко, не отрицая вообще своего участія въ террористическихъ предпріятіяхъ, уклонился отъ всякихъ объясненій по поводу отношенія своего къ злодѣянію 1 Марта (т. VI л. 262).

Обвиняемый Мартынъ Ланганъ, признавая себя принадлежащимъ къ русской соціально-революціонной партіи, не сознался въ приписываемомъ ему участіи въ устройствѣ подкопа изъ лавки Кобозева (т. IV л. 271).

Обвиняемая Татьяна Лебедева показала, что, пріѣхавъ въ С.-Петербургъ въ Январѣ 1881 г. и пробывая большею частію на квартирѣ Желябова и Перовской (по 1-й роты Измайловскаго полка, домъ № [illegible]), она знала о томъ, что готовится покушеніе на цареубійство посредствомъ подкопа изъ лавки Кобозева и метательныхъ снарядовъ, изготовленіе [illegible] она принимала участіе въ наполненіи динамитомъ [illegible], который имѣлъ быть заложенъ въ минѣ на М. Садовой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обвиняемая признала свое знакомство какъ съ государственными преступниками уже осужденными за злодѣяніе 1 Марта, такъ и съ лицами изъ этого злодѣянія обвиняемыми, при чемъ объяснила, что съ нѣкоторыми изъ нихъ она была близка какъ съ товарищами по дѣлу (т. VII л. 6 и 37).

Обвиняемый Петръ Тычининъ показалъ, что, принадлежа къ партіи „народной воли“ и сочувствуя ея преступнымъ цѣлямъ, онъ въ Декабрѣ 1880 г. и Январѣ 1881 года находился вмѣстѣ съ другими лицами, на проѣздахъ въ гор. С.-Петербургѣ въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Кромѣ того, тѣми же наблюденіями занимались Пѣтровскій, Рысаковъ, Одовенниковъ и Тырковъ, всего же наблюденій было шесть человѣкъ. Всѣ они собирались въ квартирѣ обвиняемаго, по Б. Дворянской улицѣ, и здѣсь сообщали Перовской о результатахъ своихъ наблюденій (т. II л. 115, т. VI л. 214).

Обвиняемая Елизавета Одовенникова объяснила, что съ Ноября 1880 года и до конца Января 1881 года она, вмѣстѣ съ Тырковымъ и Тычининымъ, слѣдила за проѣздами въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, зная, что наблюденіе это имѣетъ отношеніе къ готовившемуся покушенію на жизнь Священной Особы ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Тычининъ принялъ участіе въ означенномъ наблюденіи по приглашенію обвиняемой, познакомившей его съ Перовской, которой всѣ они отдавали отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Самое наблюденіе производилось по Дворцовой набережной, Невскому проспекту, Екатерининскому каналу, М. Садовой и около манежа (т. VI л. 259 и 349).

Что же касается до Аркадія Тыркова, то, по привлеченіи его къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, у него обнаружились признаки разстройства умственныхъ способностей, вслѣдствіе чего дальнѣйшее производство дѣла о немъ было пріостановлено

XIII.

Вспомогательная преступная дѣятельность обвиняемыхъ Люстига и Кибальчикова.

Сверхъ вышеизложенныхъ преступныхъ дѣяній, дознаніемъ было обнаружено необходимая для ихъ совершенія вспомогательная преступная дѣятельность, принадлежавшихъ также къ „партіи народной воли“ обвиняемыхъ Фердинанда Люстига и Николая Кибальчикова, изъ которыхъ первый устраивалъ въ своей квартирѣ собранія членовъ означенной „партіи“ и былъ посредникомъ при полученіи ими денежныхъ средствъ, а послѣдній доставлялъ руководителямъ „партіи“ свѣдѣнія о предупредительныхъ мѣропріятіяхъ правительства и тѣмъ давалъ возможность своевременно уклоняться отъ ихъ дѣйствія. Собранныя при дознаніи данныя къ изобличенію Люстига и Кибальчикова **представляются въ нижеслѣдующемъ общемъ видѣ.**

1.

Государственный преступникъ Рысаковъ, какъ уже было упомянуто выше, между прочимъ, объяснилъ, что въ Декабрѣ 1880 года онъ, по порученію „Григорія“, т. е. Исаева, перевозилъ съ вокзала Николаевской желѣзной дороги на ломовомъ извозчикѣ на квартиру съ типографскимъ станкомъ, который, по указанію того же Исаева, доставилъ на Большую Садовую, гдѣ его встрѣтилъ самъ Исаевъ и передалъ ящики какой-то неизвѣстной Рысакову барынѣ (т. II л. 91). Въ виду приведеннаго объясненія Рысакова и на основаніи указаній разысканнаго вслѣдствіе этого объясненія вышеупомянутаго ломоваго извозчика, крестьянина Филиппа Тимошкина (т. II л. 405), была розыскана и квартира лица, принявшаго къ себѣ привезенные Рысаковымъ ящики. Лицомъ этимъ оказался обвиняемый Фердинадъ Люстигъ, жившій по Большой Садовой, въ домѣ № 69, вмѣстѣ съ мѣщанкою Татьяною Кузьминой, которая объяснила при дознаніи, что по доставленіи упомянутыхъ ящиковъ въ квартиру Люстига они были здѣсь раскупорены Исаевымъ и Кибальчичемъ. Принявъ лично эти ящики, Кузьмина затѣмъ видѣла, что въ нихъ **находятся принадлежности типографскаго станка (т. II л. 333).**

Обвиняемый Люстигъ, признавая себя принадлежащимъ къ числу лицъ, желающихъ соціально-революціоннаго переворота, показалъ, что его революціонная дѣятельность выражалась въ тѣхъ услугахъ, которыя онъ оказывалъ „соціально-революціонной“ партіи съ участниками ея онъ познакомился въ Апрѣлѣ 1879 года, причемъ первымъ его знакомымъ былъ Александръ Михайловъ, а впослѣдствіи онъ, Люстигъ, вступилъ въ болѣе

близкія и частыя сношенія съ Желябовымъ. Съ Августа 1880 года и до Января 1881, когда обвиняемый сталъ замѣчать наблюденія за собою полиціи, квартира его служила мѣстомъ сходокъ революціонныхъ дѣятелей, которые собирались у него для свиданія другъ съ другомъ и для переговоровъ о своихъ дѣлахъ. Въ этихъ переговорахъ обвиняемый участія не принималъ и о готовившихся террористическихъ событіяхъ, въ томъ числѣ и о злодѣяніи 1 Марта, не зналъ; расположеніе его квартиры, состоявшей изъ 3 комнатъ, давало ему возможность не присутствовать при происходившихъ у него собраніяхъ, или участвовать лишь въ разговорахъ революціонеровъ объ общихъ вопросахъ. Изъ числа собиравшихся у него лицъ обвиняемый, кромѣ Михайлова и Желябова, указалъ Перовскую, Кибальчича, Гельфманъ, Сабинна, Исаева, Колодкевича, Фриденсона, Морозова, Суханова, Тригони и другихъ, еще не розысканныхъ участниковъ сообщества. По просьбѣ Желябова онъ, Люстигъ, получалъ по почтѣ и переводами черезъ государственный и международный банки деньги, жертвуемыя разными лицами на усиленіе революціоннаго фонда, при чемъ передавалъ эти пожертвованія, составлявшія въ общей сложности до 3000 руб., частью Желябову, а частью Кибальчичу. Въ Декабрѣ 1880 года, также по просьбѣ Желябова, обвиняемый принялъ къ себѣ на короткое время типографскій станокъ въ 2-хъ ящикахъ, которые затѣмъ были увезены изъ его квартиры, но куда именно ему неизвѣстно. Кромѣ вышеименованныхъ лицъ на упомянутыхъ сходкахъ въ его, Люстига, квартирѣ бывалъ Николай Богородскій, сынъ смотрителя Трубецкаго бастіона Петербургской крѣпости (т. II л. 315, т. VI л. 324).

Привлекавшіеся къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ и нынѣ высланные на жительство въ Сибирь, съ разрѣшеніемъ дѣла въ отношеніи ихъ, въ административномъ порядкѣ, мѣщанка Татьяна Кузьмина и оберъ-офицерскій сынъ Николай Богородскій, подтверждая въ общихъ чертахъ приведенное выше заявленіе Люстига, объяснили: Кузьмина—что проживая вмѣстѣ съ Люстигомъ, она не присутствовала при сходкахъ происходившихъ въ его квартирѣ, но слышала отъ Люстига, что на этихъ сходкахъ разсуждали о цареубійствѣ; при этомъ Кузьмина указала тѣхъ вышеименованныхъ участниковъ сходокъ, которые были извѣстны и Люстигу (т. II л. 333, Богородскій—что, познакомившись въ половинѣ 1880 г. съ Люстигомъ, онъ сталъ посѣщать его квартиру и здѣсь встрѣчалъ многихъ революціонныхъ дѣятелей, изъ числа которыхъ назвалъ Кибальчича, Александра Михайлова, Колодкевича, Исаева, Тригони и женщину, извѣстную ему подъ именемъ Елизаветы Александровны. По просьбѣ этой послѣдней, онъ принялъ на свое посредничество въ сношеніяхъ лицъ, принадлежащихъ къ преступному сообществу и находящихся на свободѣ, съ тѣми, которыя въ то время содержались въ С.-Петербургской крѣпости, гдѣ Богородскій проживалъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ. Означенныя сношенія производились при помощи книгъ изъ крѣпостной библіотеки, которыя онъ, Богородскій, приносилъ въ квартиру Люстига и гдѣ передавалъ вышеупомянутой Елизаветѣ, возвращавшей ему эти книги съ отмѣтками подъ буквами, для перевода, черезъ библіотеку, заключенными въ крѣпости. Зная изъ этихъ сообщеній, онъ сообщалъ о нихъ Елизаветѣ Александровнѣ и ея единомышленникамъ (т. II л. 337, 409, т. IV л. 16).

Осмотрами почтовыхъ книгъ С.-Петербургскаго Почтамта, а также книгъ государственнаго и коммерческаго международнаго банковъ установлено, что въ 1880 г. на имя Федосѣева Люстига было прислано по почтѣ изъ Старой Руссы 25 руб., изъ Москвы 100 руб. и изъ Одессы 50 руб.; а что на его же имя было переведено: а) черезъ государственный банкъ, изъ Воронежа отъ Яковлева 600 руб. и отъ Сибирякова 400 руб. и б) черезъ международный банкъ, изъ Москвы отъ Бостанжогло 500 руб. и отъ Петрова 300 руб. (т. IV л. 57, 67, т. VI л. 291).

Изъ показаній свидѣтелей, оказавшихъ при осмотрѣ вышеописанныя и взятыя отправителей книги на имя Люстига оказалось неразысканными (т. IV л. 175, 270, 288).

2.

ВЕЛИЧЕСТВА канцеляріи Николай Васильевъ Клѣточниковъ, [illegible] объяснилъ свой **приходъ къ Колодкевичу простою случайностью и не призналъ своего** участія въ преступной дѣятельности названнаго обвиняемаго и его единомышленниковъ **(т. I л. 325).**

По заключеніи Клѣточникова подъ стражу онъ представилъ [illegible] по поводу своихъ сношеній съ членами соціально-революціонной партіи. Изъ этихъ объясненій оказывается, что Клѣточниковъ, пріѣхавъ въ Петербургъ въ маѣ 1878 г. для пріисканія себѣ мѣста по государственной службѣ, случайно встрѣтился на улицѣ изъ своихъ знакомыхъ съ Александромъ Михайловымъ, извѣстнымъ ему тогда подъ именемъ Петра Ивановича и послѣ нѣсколькихъ свиданій сблизился съ нимъ. Сначала Михайловъ въ разговорахъ своихъ съ обвиняемымъ высказывалъ лишь общія сужденія о бѣдственномъ положеніи народа, а затѣмъ опредѣленно заявилъ, что онъ соціалистъ и вмѣстѣ съ другими стремится подготовить народъ къ государственному и соціальному перевороту, что прежняя дѣятельность въ этомъ направленіи была неудачна, такъ какъ революціонеры дѣйствовали безъ единства, безъ правильной организаціи и безъ охраны отъ шпіоновъ и что, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, онъ, Клѣточниковъ, какъ еще не навлекшій на себя никакого подозрѣнія со стороны правительства, можетъ оказать большія услуги партіи. При этомъ Михайловъ обѣщалъ пристроить обвиняемаго на хорошее мѣсто и щедро снабжать его деньгами, а также дать ему возможность въ случаѣ какой либо опасности скрыться за границу. Убѣдивъ такимъ образомъ его, Клѣточникова, служить революціонному дѣлу, Михайловъ предложилъ ему поселиться въ домѣ Яковлева, на углу, Невскаго и Надеждинской, гдѣ, по словамъ Михайлова, проживали агенты III Отдѣленія, и сойтись съ ними для „работы." Обвиняемый согласился на предложеніе Михайлова, „радѣя со всѣмъ обществомъ о любовь къ ближнимъ и вѣря всѣмъ объщаніямъ Петра Ивановича, которыя, кромѣ того, за это время успѣлъ привязать его къ себѣ." Въ упомянутомъ домѣ Яковлева обвиняемый нанялъ комнату у жившей тамъ же Анны Кутузовой, которую сталъ посѣщать довольно часто, при чемъ своимъ тихимъ поведеніемъ, щедростью и проигрышемъ въ картахъ, успѣлъ такъ расположить ее въ свою пользу, что она рекомендовала его бывшему чиновнику особыхъ порученій III Отдѣленія, впослѣдствіи завѣдывавшему 3-го столомъ этого учрежденія, г. Кириллову, который въ январѣ 1879 г. принялъ Клѣточникова въ секретные агенты, съ жалованьемъ по 30 руб. въ мѣсяцъ. Въ мартѣ того же года Кирилловъ перевелъ его для письменныхъ занятій въ такъ называемое „агентское отдѣленіе", при 3-й экспедиціи III Отдѣленія, гдѣ онъ скоро получилъ штатную должность помощника дѣлопроизводителя, а затѣмъ, съ упраздненіемъ III Отдѣленія, перешелъ въ Департаментъ Государственной Полиціи на ту же должность, которую и занималъ до самого своего ареста. Такое служебное положеніе Клѣточникова, свойство его занятій и особенное довѣріе его непосредственнаго начальства открыли ему свободный доступъ ко всѣмъ наиболѣе секретнымъ дѣламъ и распоряженіямъ по отношенію къ обнаруженію и преслѣдованію государственныхъ преступленій и лицъ, въ нихъ обвиняемыхъ. Такъ, онъ составлялъ или переписывалъ секретныя записки о результатахъ агентурныхъ наблюденій, шифровалъ и дешифрировалъ секретныя телеграммы, велъ переписку о лицахъ, содержащихся въ С.-Петербургской крѣпости и проч. Поэтому обвиняемый былъ посвященъ во всѣ политическіе розыски, производившіеся не только въ С.-Петербургѣ, но и вообще во всей Имперіи. Всѣ полученныя такимъ образомъ свѣдѣнія онъ своевременно передавалъ Михайлову, сообщалъ ему за кѣмъ именно учреждено секретное наблюденіе, предупреждалъ заранѣе о предположенныхъ обыскахъ, **объявлялъ имена всѣхъ агентовъ и вообще открывалъ Михайлову** всѣ секретныя данныя, сосредоточенныя въ 3-й экспедиціи III Отдѣленія. Не переставая въ теченіи всего этого 2-хъ лѣтняго періода времени (1879 и 1880 года) находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ революціонными дѣятелями, которые за его услуги платили ему деньги, хотя нерегулярно и не въ большомъ количествѣ, онъ, Клѣточниковъ, первоначально имѣлъ дѣло только съ Михайловымъ; когда же этотъ послѣдній долженъ былъ на нѣкоторое время уѣхать изъ Петербурга, то познакомилъ обвиняемаго съ Ароншикомъ, которому Клѣточниковъ и продолжалъ доставлять свѣдѣнія. Впослѣдствіи же онъ познакомился и вступилъ въ сношеніе съ Квятковскимъ, Баранниковымъ, Колодкевичемъ и еще однимъ до настоящаго времени не разысканнымъ лицомъ.

Всѣмъ этимъ лицамъ, посѣщавшимъ при сношеніи съ обвиняемымъ чужія фамиліи, онъ сообщалъ нужныя имъ свѣдѣнія, по мѣрѣ того, какъ таковыя дѣлались ему извѣстными или требовались отъ него революціонерами, съ которыми онъ сходился въ разныхъ трактирахъ и гостиницахъ, а также посѣщалъ ихъ квартиры: Михайловъ же и самъ бывалъ у обвиняемаго. Зная, что всѣ поименованныя лица принадлежатъ къ революціонной партіи, онъ узналъ о преступной дѣятельности каждаго изъ нихъ лишь изъ свѣдѣній, которыя сдѣлались ему извѣстными по службѣ, въ особенности же изъ разоблаченій Гольденберга. Пользуясь его услугами, революціонеры не были, однако же, съ нимъ откровенны, и, видимо ему не довѣряя, не открывали ему тайны своихъ предпріятій, такъ что только изъ общаго содержанія разговоровъ съ ними обвиняемый могъ заключить о принадлежности ихъ къ террористической фракціи и прямомъ участіи въ ея дѣйствіяхъ. Между прочимъ, онъ, Клѣточниковъ, зналъ въ общихъ чертахъ о ходѣ работъ по печатанію и изданію „Народной Воли.“ Отъ Алафузова Баранникова онъ слышалъ о количествѣ динамита, которымъ располагало преступное сообщество и которое въ концѣ 1880 г., по словамъ Баранникова, не было такъ велико, какъ обозначали его въ своихъ, сообщенныхъ ему Клѣточниковымъ, показаніяхъ лица, привлеченныя къ дознаніямъ, а составляло не болѣе 5—6 пудовъ. Послѣ ареста Михайлова, обвиняемый продолжалъ вести сношенія съ Баранниковымъ, хотя съ передачею розыскной части по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ въ столицѣ въ вѣдѣніе С.-Петербургскаго Градоначальника, онъ уже не могъ доставлять прежнихъ важныхъ свѣдѣній и сносившіяся съ нимъ лица стали говорить о необходимости провести своего человѣка, или подкупить кого либо въ новомъ розыскномъ вѣдомствѣ. Что же касается до побудительныхъ причинъ сближенія своего съ членами „революціонной партіи“ и того содѣйствія, которое обвиняемый имъ оказывалъ сообщеніемъ разныхъ нужныхъ имъ свѣдѣній, то въ объясненіе этихъ причинъ Клѣточниковъ, отрицая свою принадлежность къ означенной „партіи“ въ собственноручно написанныхъ имъ показаніяхъ, между прочимъ, заявилъ слѣдующее: „ не сдѣлавшись соціалистомъ, я не могу не сознаться, что началъ сочувствовать нѣкоторымъ ихъ „идеямъ и сталъ считать ихъ дѣло своимъ“ и далѣе . . . . „я руководился главнымъ „образомъ корыстными цѣлями и желаніемъ болѣе разнообразной жизни въ столицѣ, а „также сочувствіемъ къ высказаннымъ Александромъ Михайловымъ идеямъ о развитіи и „обогащеніи народа, къ идеямъ, которымъ будто бы служитъ онъ и его сподвижники.“ Когда же онъ, Клѣточниковъ, узналъ изъ показаній Гольденберга о тѣхъ истинныхъ цѣляхъ дѣятельности знакомыхъ ему соціалистовъ, то уже не могъ оставить сношеній съ ними и продолжалъ служить ихъ интересамъ, такъ какъ боялся, въ противномъ случаѣ **быть убитымъ (т. I л. 335, 353, 386—411, 501).**

Вдова Полковника Анна Кутузова подтвердила фактъ поступленія Клѣточникова на службу къ завѣдывавшему 3-й экспедиціей III Отдѣленія Кириллову по ея, Кутузовой, **рекомендаціи (т. I л. 430).**

Изъ показаній свидѣтелей начальниковъ и сослуживцевъ Клѣточникова по службѣ его въ бывшемъ III Отдѣленіи Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи, Статскихъ Совѣтниковъ Кириллова и Гусева, Коллежскаго Совѣтника Вилфа, Коллежскаго Ассесора Цвѣткова и Титулярнаго Совѣтника Чернышева, оказывается, что Клѣточниковъ въ продолженіи всей своей службы отличался особеннымъ усердіемъ и пользовался полнымъ довѣріемъ начальства. Черезъ его руки проходили всѣ секретныя свѣдѣнія о политическихъ розыскахъ и онъ всегда имѣлъ возможность заранѣе знать о всѣхъ предполагавшихся въ этомъ отношеніи мѣропріятіяхъ. Въ Маѣ 1879 года, при производствѣ обыска у лицъ, проживавшихъ въ домѣ Бланка Мурузи, по Литейному проспекту, къ № 51, обнаружилось, что объ этомъ обыскѣ хозяева квартиры были своевременно предупреждены. По поводу возникшаго вслѣдствіе того подозрѣнія противъ служившихъ въ 3-й экспедиціи III Отдѣленія, Коллежскомъ Ассесорѣ Клѣточниковѣ было получено производство негласное дознаніе, по которому, однако же, виновный остался неоткрытымъ (т. I л. 363, **370, 407).**

Изъ обзору показаній свидѣтелей, относящихся къ служебному положенію Клѣточникова и обвиняемыхъ Клѣточниковымъ было установлено, что составленныя имъ агентурныя [illegible] при 3 экспедиціи записки о лицахъ, у которыхъ производились обыски,

между прочимъ, и о проживавшихъ въ кв. № 54, въ домѣ Князя Мурузи, написана рукою Клѣточникова. По его объясненію онъ, составивъ упомянутую записку, сообщилъ о содержаніи ея Александру Михайлову, который и предупредилъ кого слѣдовало (т. VI л. 324—326).

29 Января 1881 года, т. е. на другой день послѣ ареста Клѣточникова, въ квартиру его было доставлено по городской почтѣ письмо отъ 28 Января, въ которомъ Клѣточниковъ приглашался въ 5 часовъ пополудни на Невскій проспектъ для свиданія съ анонимнымъ авторомъ письма. По сличеніи почерка этого письма съ почеркомъ казненнаго государственнаго преступника Желябова, знакомство и сношенія съ которымъ Клѣточниковымъ отрицаются, экспертъ пришелъ къ заключенію, что упомянутое письмо написано Желябовымъ (т. IV л. 199).

XIV.

Принадлежность обвиняемыхъ къ преступному сообществу —Свѣдѣнія о личности каждаго изъ нихъ.

Независимо отъ всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ принадлежность обвиняемыхъ къ тайному сообществу, поставившему себѣ задачею стремиться къ ниспроверженію въ ближайшемъ будущемъ, посредствомъ ряда насильственныхъ дѣйствій и насильственнаго переворота, существующаго въ Имперіи государственнаго и общественнаго строя, доказывается еще нижеслѣдующими обстоятельствами, частью имѣющими общій характеръ и значеніе, а частью относящимися до каждаго изъ обвиняемыхъ въ отдѣльности.

Изъ приложенныхъ къ дѣлу, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, многочисленныхъ печатныхъ изданій преступнаго содержанія, которыя были составлены, напечатаны и выпущены въ обращеніе тайнымъ сообществомъ, именующимъ себя „русскою соціально-революціонной партіей“, въ періодъ времени съ 1878 г. по Мартъ 1881 года включительно, при чемъ почти всѣ эти изданія найдены по обыскамъ у обвиняемыхъ и, главнымъ образомъ, въ обнаруженной 5-го Мая 1881 г. конспиративной квартирѣ по Подольской улицѣ, въ домѣ № 14/42, кв. № 31, гдѣ, повидимому, помѣщалась въ послѣднее время тайная типографія газеты „Народная Воля“, оказывается, что до послѣдовавшаго лѣтомъ 1879 г. выдѣленія террористической фракціи изъ прежней организаціи революціонеровъ „народниковъ“, органомъ тайной печати у этихъ послѣднихъ была газета „Земля и Воля“ и дополнявшій или замѣнявшій ее „Листокъ Земли и Воли.„ Кромѣ этихъ изданій, послѣ каждаго совершеннаго революціонерами преступнаго дѣянія террористическаго характера, появлялись печатныя прокламаціи, въ которыхъ заявлялось о совершеніи означенныхъ дѣяній отъ имени и въ интересахъ „соціально-революціонной партіи“. Такія прокламаціи появились, между прочимъ, и послѣ убійства Генералъ-Адъютанта Мезенцова и покушенія на цареубійство 2 Апрѣля 1879 года. Упомянутыя періодическія изданія и прокламаціи издавались за подписью „исполнительнаго комитета русской соціально-революціонной партіи“—наименованіе, которое, какъ видно изъ показаній Гольденберга и другихъ обвиняемыхъ, присвоила себѣ городская группа членовъ „партіи“. Послѣ Липецкаго съѣзда произошло раздѣленіе „партіи“ и ея органа: „народники“, оставшіеся при прежнихъ своихъ взглядахъ и задачахъ, предприняли изданіе газеты подъ заглавіемъ „Черный Передѣлъ“; террористы же, выдѣлившіеся въ особую фракцію, основали изданіе „Народной Воли“ и, въ видѣ прибавленія къ ней, „Листка Народной Воли“. Съ осени 1879 и до Февраля 1881 года, появилось пять №№ „Народной Воли“ и нѣсколько №№ „Листка“; вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательное совершеніе посягательствъ на жизнь въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА 19-го Ноября 1879 года, 5-го Февраля 1880 года и злодѣянія 1-го Марта 1881 г. сопровождались, подобно прежнему времени, появленіемъ воззваній отъ имени „исполнительнаго комитета“, въ составъ котораго вошли наиболѣе выдающіеся дѣятели преступнаго сообщества, принимавшіе болѣе или менѣе непосредственное участіе въ послѣдующихъ тер-

ористическихъ предпріятіяхъ. Въ № 3 „Народной Воли“, отъ 1-го Января 1880 г., помѣщена, между прочимъ, „программа исполнительнаго комитета“, которая ставитъ ближайшею цѣлью „комитета“ отнятіе власти у существующаго правительства и передачу ея народу (п. А—В) для декретированія новаго государственнаго и общественнаго строя на соціалистическихъ началахъ (п. Г); къ достиженію означенныхъ цѣлей предполагается стремиться посредствомъ: 1) дѣятельности пропагаторской и агитаціонной; 2) дѣятельности разрушительной и террористической, состоящей „въ уничтоженіи наиболѣе вредныхъ лицъ правительства;“ 3) организаціи тайныхъ обществъ и сплоченія ихъ вокругъ одного центра; 4) пріобрѣтенія вліятельнаго положенія и связей въ администраціи, войскѣ, обществѣ и народѣ; 5) организаціи и совершеніи переворота и 6) послѣдующей затѣмъ избирательной агитаціи (п. Д). При этомъ руководящимъ принципомъ дѣйствія „исполнительнаго комитета“ признается положеніе о томъ, что по отношенію къ правительству, какъ къ врагу, цѣль оправдываетъ средства, т. е. всякое средство, ведущее къ цѣли, считается дозволительнымъ, а лица и общественныя группы, сознательно и дѣятельно помогающія правительству въ борьбѣ съ „соціально революціонной партіей,“ „какъ вышедшія изъ нейтралитета, принимаются за врага“ (п. Е). Въ такомъ же приблизительно смыслѣ, составлена „программа рабочихъ, членовъ партіи народной воли“, изданная въ концѣ 1880 г. и, какъ сказано въ ней, редакціей „Народной Воли“. Тѣ же преступныя взгляды въ примѣненіи къ пониманію простолюдиновъ проводятся и въ „Рабочей Газетѣ“, которую члены „партіи“ стали издавать съ Декабря 1880 г. для распространенія въ рабочей средѣ. Далѣе, въ вышеупомянутыхъ изданіяхъ тайной печати и, кромѣ того, въ изданной заграницей брошюрѣ обвиняемаго Морозова, подъ заглавіемъ „Террористическая борьба“, доказывается необходимость направить всѣ усилія „соціально революціонной партіи“ на совершеніе систематическаго ряда террористическихъ дѣяній и, какъ высшаго выраженія такого образа дѣйствій, цареубійства. Наконецъ, въ появившихся, по поводу злодѣянія 1-го Марта 1881 г., листахъ отъ имени „партіи народной воли„ подъ заглавіемъ: 1) „отъ исполнительнаго комитета„ 1 Марта 1881 г.; 2) „отъ рабочихъ членовъ партіи народной воли„ отъ 2 Марта 1881 г.; 3) „Честнымъ мірянамъ, православнымъ крестьянамъ и всему народу русскому объявленіе„ отъ 2 Марта 1881 г.; 4) „Исполнительный Комитетъ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III„ отъ 12 Марта 1881 г.; и 5) „отъ Исполнительнаго Комитета„ отъ 4 Апрѣля 1881 г., по поводу казни государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ за злодѣяніе 1 Марта,—заявляется, что злодѣяніе это совершено лицами, принадлежащими къ „партіи народной воли“, для достиженія ближайшихъ цѣлей этого преступнаго сообщества и согласно съ общими, поставленными имъ для себя задачами.

2.

По задержаніи въ С.-Петербургѣ, 28 Ноября 1880 года, обвиняемаго **Александра Дмитріева Михайлова** у него произведенъ былъ обыскъ, по которому въ его квартирѣ, по Орловскому переулку, въ д. № 2 найденъ былъ динамитъ въ двухъ жестянкахъ, разныя прокламаціи отъ „исполнительнаго комитета“, въ значительномъ числѣ экземпляровъ, палка съ сокрытымъ въ ней кинжаломъ, мѣдный кастетъ, большое число фотографическихъ снимковъ 16 государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ С.-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ, въ Ноябрѣ 1880 года, и разныя замѣтки загадочнаго или условнаго содержанія (т. I л. 10).

По изслѣдованіи динамита, найденнаго у Михайлова въ количествѣ около пуда, экспертъ Генералъ-Маіоръ Федоровъ нашелъ, что динамитъ этотъ весьма неоднороденъ и, вѣроятно, не фабричнаго приготовленія (т. I л. 71).

Изъ показаній Александра Михайлова и другихъ данныхъ, собранныхъ при дознаніи, видно, что онъ дворянинъ Путивльскаго уѣзда, Курской губерніи, обучался въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, а затѣмъ держалъ окончательный экзаменъ при Немировской гимназіи (Брацлавскаго уѣзда, Подольской губерніи); въ концѣ 1875 г. онъ, будучи уволенъ изъ технологическаго института по поводу безпорядковъ между студентами отправился въ Кіевъ, гдѣ познакомился, по его словамъ, съ „радикалами„ и съ этого времени сталъ заниматься революціонной пропагандой. Съ Марта 1877 г. и до половины 1878 г. онъ прожилъ въ приволжскихъ губерніяхъ, не переставая распространять революціонныя идеи преимущественно среди старообрядцевъ. Потомъ 1878 г. и

затѣмъ въ 1879 г. онъ велъ дѣятельные переговоры съ управляющимъ имѣніями ка[illegible]ннаго государственнаго преступника Лизогуба, впоследствіи Ярко осужденнымъ по дѣлу о 16 лицахъ, о мѣрахъ къ переводу имущества Лизогуба въ собственность лицъ, принадлежавшихъ къ „соціально-революціонной партіи". Возвратившись въ С.-Петербургъ и, по временамъ, уѣзжая изъ него по дѣламъ „революціонной партіи", онъ занимался такъ называемою „конспиративною дѣятельностію" и принималъ участіе въ разныхъ проявленіяхъ революціоннаго движенія. Проживая въ теченіи 1880 года въ С.-Петербургѣ подъ именемъ и по подложному паспорту отставного Егерскаго Полковника, сначала въ гостиницѣ „Москва", затѣмъ по Троицкому переулку, въ домѣ Лихачева и, наконецъ, по Орловскому переулку, въ домѣ № 2, Михайловъ въ Октябрѣ 1880 г. сталъ заказывать въ фотографіяхъ Таубе, Александровскаго и Кошелько многочисленные снимки государственныхъ преступниковъ, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе полиціи (т. I л. 60, 62, **65, 83, 84 и слѣд**).

Обвиняемый дворянинъ Черниговской губерніи **Николай Николаевъ Колодкевичъ**, по окончаніи курса въ Черниговской гимназіи, поступилъ сначала въ Нѣжинскій Лицей, а затѣмъ былъ студентомъ университетовъ Новороссійскаго и Св. Владиміра, изъ которыхъ послѣдній долженъ былъ оставить вслѣдствіе привлеченія къ дознанію по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Такія дознанія возбуждались противъ Колодкевича: въ 1875 г.—въ Черниговской губерніи, въ 1876 г.—за распространеніи революціонныхъ изданій въ гор. Харьковѣ; въ 1877 г.—за организацію тайнаго сообщества среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи; въ 1878 г.—за участіе въ освобожденіи изъ Харьковскаго тюремнаго замка арестанта Фомина и въ 1879 г.—за участіе въ революціонномъ кружкѣ, образовавшемся въ Харьковѣ, при чемъ всѣ эти дознанія были пріостановлены въ отношеніи Колодкевича за неразысканіемъ его. По задержаніи Колодкевича, 26 Января 1881 г., по обыску, произведенному въ его квартирѣ по Фонтанкѣ, въ д. № 47, гдѣ онъ проживалъ подъ именемъ и по подложному паспорту на имя Петрова, были найдены разныя изданія и рукописи преступнаго содержанія. Колодкевичъ призналъ себя принадлежащимъ къ революціонной партіи „народной воли" (т. I л. 255, 284, **485, т. III л. 23, т. VI л. 226**).

Обвиняемый дворянинъ Таврической губерніи **Михаилъ Николаевъ Тригони**, по окончаніи въ 1874 г. курса юридическихъ наукъ въ Новороссійскомъ Университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, опредѣленныхъ занятій не имѣлъ и проживалъ то въ южныхъ губерніяхъ, то въ С.-Петербургѣ. Здѣсь въ 1879 г. онъ, по его объясненію, встрѣтился съ Желѣбовымъ и, при его посредствѣ, сошелся со многими лицами, принадлежащими къ „соціально-революціонной партіи народной воли", программу которой и **онъ, Тригони, вполнѣ раздѣляетъ (т. V л. 657, т. IV л. 359)**.

По обыску, произведенному въ квартирѣ Тригони 27 Февраля 1881 г., между прочимъ, найдено: 1) 10[illegible] экземпляровъ № 5 „Народная Воля" отъ 5 Февраля 1881 г., еще влажныхъ и повидимому только что отпечатанныхъ, съ приложенными къ нимъ отчетами о суммахъ, поступившихъ, какъ сказано въ заглавіи, на борьбу за народное освобожденіе съ 1 по 20 Января 1881 г.; 2) анонимное рекомендательное письмо къ неизвѣстному лицу, предлагающее относиться къ Тригони съ полнымъ довѣріемъ и 3) программы организаціи революціонныхъ кружковъ и дѣятельности таковыхъ же центральныхъ.

Привлекавшійся къ дознанію по настоящему дѣлу и нынѣ подлежащій высылкѣ въ административномъ порядкѣ въ Сибирь, Турецкій подданный Моисей Поповъ показалъ, что въ 1879 г. онъ познакомился въ Одессѣ съ Колодкевичемъ, Фроленко и Тригони, изъ которыхъ послѣдніе двое снабжали его запрещенными изданіями для распространенія среди рабочихъ. Въ Декабрѣ 1880 г. Поповъ, по просьбѣ Меркулова, пріѣзжавшаго въ Одессу изъ Кишинева, познакомилъ его съ Тригони, съ которымъ Меркуловъ и вступилъ въ какіе-то переговоры (т. V л. 379).

Обвиняемый дворянинъ Курской губерніи, Путивльскаго уѣзда, Александръ Ивановъ Баранниковъ, по окончаніи курса въ Орловской Бахтина военной гимназіи, поступилъ въ 1-е военное Павловское училище, которое оставилъ въ 1876 г. Въ слѣдующемъ 1877 г., рѣшившись заняться революціонной пропагандой среди народа, онъ пов-

вился подъ именемъ Семена Яковлева въ с. Хрипуновѣ, Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, въ кузницѣ, открытой тамъ для цѣлей преступной пропаганды дворяниномъ Линевымъ, проживавшимъ подъ именемъ Американскаго гражданина Филипса. При возникновеніи по этому поводу дознанія въ мѣстномъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи, Баранниковъ скрылся и продолжалъ жить «нелегально», начавъ съ весны 1879 г. именоваться Ипполитомъ Кошурниковымъ и вступилъ подъ этимъ именемъ въ бракъ съ сестрой обвиняемой Оловенниковой, вдовой Маріей Ошаниной (т. I л. 483, т. III л. 83—120, т. VI л. 307).

Обвиняемый отставной флота Лейтенантъ **Николай Евгеньевъ Сухановъ**, сынъ лекаря, уроженецъ гор. Риги, сначала воспитывался въ частномъ пансіонѣ и реальномъ училищѣ, а затѣмъ поступилъ въ морское училище, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1872 г. съ производствомъ въ гардемарины. Произведенный въ 1873 г. въ мичманы, а въ 1879 г. въ лейтенанты, Сухановъ, былъ слушателемъ миннаго офицерскаго класса, а затѣмъ состоялъ минныхъ офицеромъ на разныхъ судахъ Балтійскаго флота и Сибирской флотиліи; въ 1880 г. онъ былъ прикомандированъ къ гвардейскому экипажу для слушанія лекцій въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, а въ Маѣ 1881 г., уволенъ отъ службы вслѣдствіе привлеченія къ настоящему дѣлу (т. II л. 392, т. V л. 351).

Обвиняемый отставной Прапорщикъ Кронштадтской крѣпостной артиллеріи **Фердинандъ Осиповъ Люстигъ**, сынъ колониста Таврической губерніи, уроженецъ гор. Симферополя, по окончаніи курса въ Симферопольской гимназіи, поступилъ въ Технологическій институтъ, гдѣ курса не окончилъ, послѣ чего служилъ въ военной службѣ, въ Кронштадтской крѣпостной артиллеріи, откуда вышелъ въ отставку съ чиномъ прапорщика и въ послѣднее время состоялъ кассиромъ на фабрикѣ „Товарищества русско-американской паровой пекарни„ въ С.-Петербургѣ (т. II л. 313).

Обвиняемый отставной Коллежскій Регистраторъ **Николай Васильевъ Клѣточниковъ**, какъ видно изъ собственныхъ его объясненій, уроженецъ гор. Пензы, по окончаніи курса въ Пензенской гимназіи, сначала слушалъ лекціи въ Московскомъ Университетѣ, въ качествѣ вольнослушателя, а затѣмъ поступилъ въ число студентовъ С.-Петербургскаго Университета, который оставилъ по разстроенному здоровью и уѣхалъ на родину въ гор. Пензу. Въ 1870 г., прибывъ въ Крымъ для леченія ,онъ остался тамъ на службѣ и занималъ должности письмоводителя Ялтинскаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства и Секретаря Ялтинскаго Съѣзда Мировыхъ Судей. Въ 1873 г. Клѣточниковъ, получивъ небольшое наслѣдство отъ родителей, ѣздилъ заграницу, на Вѣнскую всемірную выставку. Въ 1876 г., соскучившись, по его словамъ, въ гор. Ялтѣ, онъ перешелъ въ Симферополь на должность кассира мѣстнаго общества взаимнаго кредита съ жалованьемъ 1000 руб. въ годъ Въ Сентябрѣ 1877 г., желая снова пожить столичною жизнью и окончить курсъ высшаго учебнаго заведенія, онъ переѣхалъ въ С.-Петербургъ и здѣсь поступилъ вольнослушателемъ въ Медико-Хирургическую Академію, но, отвыкнувъ отъ учебныхъ занятій, долженъ былъ оставить Академію, и отправился въ Пензу къ роднымъ, отбывъ снова возвратился въ С.-Петербургъ въ Октябрѣ 1878 г. для пріисканія себѣ мѣста, каковое и нашелъ, при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ, въ агентурномъ отдѣленіи при 3-й экспедиціи нынѣ упраздненнаго III Отдѣленія Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи (т. I л 328).

Обвиняемый сынъ фельдшера **Михаилъ Федоровъ Фроленко**, уроженецъ гор. Ставрополя Кавказскаго по окончаніи курса въ мѣстной гимназіи, поступилъ въ Петровскую Земледѣльческую Академію, но въ 1874 г скрылся изъ Москвы, вслѣдствіе привлеченія его къ дознанію о тайномъ революціонномъ сообществѣ (т. II л. 249 т. V л. 4).

При разслѣдованіи прежней революціонной дѣятельности Фроленко выяснилось— и самимъ обвиняемымъ не отрицается – что въ Январѣ 1878 г., во время содержанія въ Кіевскомъ тюремномъ замкѣ обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ Дейча, Стефановича и Бохановскаго, Фроленко подъ именемъ Екатеринодарскаго мѣщанина Сергѣя Тихонова, поступилъ въ означенной тюремный замокъ ключникомъ на мѣсто отставнаго фейерверкера Пономарева, котораго единомышленники Фроленко предварительно перемѣнили съ должности ключника подъ вымышленнымъ предлогомъ достав-

лении ему должности прикащика на винокуренномъ заводѣ въ гор. Браславѣ, Подольской губерніи. Воспользовавшись положеніемъ ключника и усвоивъ своимъ усердіемъ къ службѣ пріобрѣсти довѣріе начальства, Фроленко, 26 Мая, вывелъ арестантовъ Дейча, Стефановича и Бохановскаго изъ тюрьмы и вмѣстѣ съ ними скрылся (т. IV л. 30 - 107).

17 Марта 1881 г., Фроленко былъ арестованъ въ С.-Петербургѣ, въ домѣ № 83, по Литейной, черезъ нѣсколько часовъ по задержаніи проживавшаго въ томъ же домѣ казненнаго государственнаго преступника Кибальчича, въ квартиру котораго явился Фроленко. Назвавъ себя сначала мѣщаниномъ Капутинымъ и предъявивъ подложный паспортъ на это имя, обвиняемый отказался указать свою квартиру, которая и осталась **не обнаруженною** (т. II л. 45).

Обвиняемый сынъ почтальона **Григорій Прокофьевъ Исаевъ**, уроженецъ гор. Могилева, въ 1875 г. былъ исключенъ изъ 5 класса мѣстной гимназіи за распространеніе запрещенныхъ изданій, среди своихъ товарищей, съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія. По окончаніи гимназическаго курса Исаевъ поступилъ сначала въ С.-Петербургскій Университетъ, а затѣмъ перешелъ въ Медико-Хирургическую Академію. Въ 1877 г., во время временнаго нахожденія его въ Горецкомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, на него было обвиненіе въ распространеніи преступной пропаганды, вслѣдствіе чего онъ подлежалъ привлеченію къ дознанію, но скрылся и оставался непойманнымъ до самаго задержанія своего въ С.-Петербургѣ 1-го Апрѣля 1881 года (т. II л. 125, т. V л. 147).

Въ началѣ 1880 года Исаевъ, какъ уже было упомянуто выше, проживалъ въ С.-Петербургѣ, подъ именемъ Еремѣева, вмѣстѣ съ Якимовой и Лебедевой и занимался приготовленіемъ динамита. Съ Февраля же 1881 года и по день ареста онъ проживалъ по Волынскому проспекту, въ домѣ № 25/28, вмѣстѣ съ Вѣрой Филипповой, по подложному паспорту на имя губернскаго секретаря Кохановскаго. При задержаніи его на улицѣ, 1-го Апрѣля, у него были, между прочимъ, найдены рукопись подъ заглавіемъ „Подготовительная работа партіи“, трактующая о средствахъ подготовленія въ Россіи всеобщаго возстанія и рукописный же проектъ организаціи революціонныхъ кружковъ. Что же касается до его квартиры, обнаруженной 3-го Апрѣля и повидимому недолго передъ тѣмъ оставленной скрывшеюся Вѣрою Филипповой, то въ квартирѣ этой оказались стклянки, мѣдная трубка, ножницы для рѣзки листоваго желѣза и другія тому подобныя техническія принадлежности (т. II л. 199, 203, 229, 230).

Обвиняемый сынъ псаломщика **Иванъ Пантелеймоновъ Емельяновъ**, уроженецъ Измаильскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, представилъ относительно своего прошедшаго слѣдующее объясненіе, въ 9-ти лѣтнемъ возрастѣ онъ былъ взятъ изъ дома своихъ весьма недостаточныхъ родителей и помѣщенъ къ своему дядѣ, служившему тогда при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ. Здѣсь и впослѣдствіи при переѣздахъ съ мѣста на мѣсто вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ, онъ, очутившись въ совершенно новой и чуждой ему обстановкѣ, среди людей высшаго круга, сталъ съ свойственною ему, по его словамъ, любознательностью и впечатлительностью присматриваться къ окружающему и въ результатѣ этихъ наблюденій уже 11—12 лѣтъ отъ роду „совершенно самостоятельно напалъ на мысль и идею, которыя привыкъ теперь называть соціализмомъ.“ Такого рода мысли въ немъ незамѣтно развивались и окрѣпли, когда, по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, онъ проходилъ учебный курсъ сначала въ 1-мъ реальномъ училищѣ, а затѣмъ въ ремесленномъ училищѣ Цесаревича Николая. Принявшись за чтеніе, онъ убѣдился, что соціализмъ есть „плодъ не однихъ его размышленій.“ Слѣдя за періодическою прессой, онъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на рядѣ политическихъ процессовъ и пришелъ къ заключенію, что его взгляды и убѣжденія въ значительной степени солидарны съ соціально-революціонными тенденціями, съ которыми онъ могъ еще ближе познакомиться изъ чтенія выходившей тогда „Земли и Воли“. Далѣе, во время поѣздокъ по внутренней и южной Россіи, онъ былъ, по его объясненію, пораженъ политическимъ и экономическимъ положеніемъ русскаго крестьянина. Когда же, послѣ весьма успѣшнаго окончанія курса въ ремесленномъ училищѣ, онъ, Емельяновъ, былъ посланъ на казенный счетъ за гра-

ницу, то увидѣлъ „превосходство экономическаго и культурнаго положенія западно-европейскаго крестьянина и рабочаго передъ положеніемъ русскаго простолюдина". Заграницей обвиняемый слѣдилъ за процессомъ 16 лицъ въ С.-Петербургскомъ Военно-Окружномъ Судѣ и нашелъ, что программа „Народной Воли" согласна съ его убѣжденіями, почему, по возвращеніи въ Россію, онъ не счелъ себя вправѣ оставаться индифферентнымъ и вступилъ въ число членовъ „соціально-революціонной партіи" (т. II л. 285, 318).

Обвиняемые: сынъ дьякона **Петръ Васильевъ Тычининъ** и дворянка Орловской губерніи, Малоархангельскаго уѣзда, дочь губернскаго секретаря **Елизавета Николаева Оловенникова** состояли, какъ видно изъ дѣла, первый—студентомъ 3 курса Медико-Хирургической Академіи, а послѣдняя—слушательницей женскихъ врачебныхъ курсовъ при Покровской общинѣ (т II л. 36, 115).

По обыску, произведенному въ ночь на 25 Января 1881 г. въ квартирѣ задержаннаго подъ именемъ Агаческулова, обвиняемаго Григорія Михайлова **Фриденсона** (Казанская улица д. № 38)., у него найдены два экземпляра № 4 „Народной Воли" за 1880 г., не бывшіе еще, судя по ихъ наружному виду, въ обращеніи, рукопись, представляющая повидимому революціонную программу и аттестатъ на имя чиновника Коморскаго (т. I л. 231).

Изъ дознанія о государственномъ преступникѣ Кибальчичѣ видно, что лѣтомъ 1880 г. онъ проживалъ по тому же паспорту на имя Агаческулова, по которому проживалъ Фриденсонъ при его задержаніи и который, по провѣркѣ, оказался подложнымъ (дозн. о злод. 1 Марта т. VII л. 15, 19).

Отрицая свое участіе въ преступныхъ дѣяніяхъ террористическаго характера, Фриденсонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, призналъ какъ принадлежность свою къ партіи „народной воли", такъ и знакомство свое съ Желябовымъ, отъ котораго онъ получалъ газету „Народная Воля", необходимую ему для революціонной пропаганды среди С.-Петербургской молодежи въ духѣ означенной партіи (т II л. 388).

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о Фриденсонѣ и собственныхъ его объясненій видно, что онъ, по происхожденію, Бѣлостокскій купеческій сынъ, по окончаніи курса въ Бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ былъ вольнослушателемъ въ Московскомъ техническомъ училищѣ, откуда уволенъ вслѣдствіе привлеченія его къ дознанію, возникшему въ Москвѣ по поводу убійства мѣщанина Рейнштейна; дознаніе это въ отношеніи Фриденсона было прекращено безъ всякихъ для него послѣдствій (т. I л. 234 и 509).

Обвиняемый солдатскій сынъ **Василій Аполлоновъ Меркуловъ**, оставшись, по его объясненію, съ дѣтства безъ всякаго призрѣнія и надзора, 9-ти лѣтъ отъ роду былъ отданъ матерью въ столярную мастерскую въ Одессѣ и, изучивъ столярное ремесло, сталъ добывать имъ себѣ средства къ жизни. На 18 году онъ встрѣтился въ Одессѣ съ Иваномъ Ивановичемъ, убитымъ впослѣдствіи, въ Февралѣ 1879 г., въ гор. Кіевѣ при вооруженномъ сопротивленіи полиціи, черезъ него познакомился съ Желябовымъ и вошелъ въ кружокъ лицъ, занимавшихся революціонной пропагандой среди рабочихъ (т. II л. 189, т. VI л. 127).

Изъ дѣла видно, что по возвращеніи изъ Одессы лѣтомъ 1880 года, Меркуловъ проживалъ въ С.-Петербургѣ по подложному паспорту на имя мѣщанина Сергѣя Лапина, по которому впослѣдствіи проживалъ въ Петербургѣ государственный преступникъ Тимофей Михайловъ (т. IV л. 397, дозн. о злодѣяніи 1 Марта т. I л. 127, 172).

При обыскѣ, произведенномъ у Меркулова при задержаніи его въ Петербургѣ 27 Февраля 1881 года, подъ именемъ Яковенко въ то время, когда онъ явился къ обвиняемому Тычининой, у него, Меркулова и затѣмъ въ квартирѣ его были найдены экземпляры газеты „Народной Воли," разныя революціонныя воззванія, оттиски печатей разныхъ правительственныхъ учрежденій, нѣсколько такихъ же печатей, вырѣзанныхъ на грифельной доскѣ, столярный инструментъ и такъ называемый финскій матросскій ножъ,

подобный тому, который былъ при государственномъ преступникѣ Рысаковѣ во время совершенія злодѣянія 1 Марта (т. I л. 677).

При обыскѣ у обвиняемаго Льва Соломонова Златопольскаго, арестованнаго въ г. Петербургѣ 29-го Января 1881 года, въ квартирѣ Колодкевича, у него, Златопольскаго, были найдены разныя орудія и приспособленія для механическихъ работъ (т. I л. 501, т. IV л. 415).

Не сознаваясь во взводимомъ на него преступленіи и отрицая всякое участіе свое въ революціонной дѣятельности, Златопольскій объяснилъ, что занимаясь механикой и въ частности изслѣдованіемъ аппарата для нефтянаго отопленія, онъ нуждался въ денежныхъ средствахъ для осуществленія означеннаго предпріятія. Съ этою цѣлью онъ искалъ знакомства съ лицами, которыя могли бы оказать ему такого рода помощь, и познакомившись случайно съ Колодкевичемъ, разсчитывалъ получить отъ него содѣйствіе въ указанномъ отношеніи. По объясненію обвиняемаго, всѣ предметы, найденные у него при обыскѣ, составляютъ принадлежности устраиваемой имъ нефтяной печи (т. I л. 358, 348, 351, 375, 391).

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о Златопольскомъ видно, что онъ сынъ Елисаветградскаго мѣщанина, воспитывался въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ, изъ котораго вышелъ въ 1875 году, не окончивъ курса.

Въ 1876 г. онъ появился въ с. Щепцовѣ, Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи, у проживавшаго тамъ и привлекавшагося къ дознанію о государственномъ преступленіи Соломона Кельзона, а затѣмъ въ с. Мартьяновѣ, Вологодскаго уѣзда. Вслѣдствіе полученныхъ мѣстными властями свѣдѣній о томъ, что Златопольскій прибылъ въ вышеозначенную мѣстность для преступной пропаганды, по этому поводу было возбуждено дознаніе, при возникновеніи котораго обвиняемый скрылся (т. I л. 358 т. III л. 6).

Обвиняемый Гомельскій мѣщанинъ Айзикъ Борисовъ Айрончикъ, по окончаніи Одесскаго реальнаго училища, поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, откуда вышелъ, не кончивъ курса, въ 1879 году (т. II л. 56).

Изъ показанія Григорія Гольденберга, между прочимъ, видно, что когда на Липецкомъ съѣздѣ возникъ вопросъ о посылкѣ кого либо въ гор. Новѣнецъ для освобожденія находившихся тамъ въ административной ссылкѣ Самарской и Воскресенской и онъ, Гольденбергъ, предложилъ для этого свои услуги, то участники съѣзда, признавъ его присутствіе необходимымъ для болѣе серьезныхъ дѣлъ, рѣшили поручить освобожденіе Самарской и Воскресенской Арончику, съ которымъ Гольденбергъ познакомился въ Кіевѣ еще въ 1878 году (дозн. о 16 лицахъ т. I л. 16, т. VI л. 284).

По задержаніи Арончика въ С.-Петербургѣ 17-го Марта 1881 г. по подложному паспорту Золотницкаго, у него былъ, между прочимъ, найденъ печатный листокъ подъ заглавіемъ „Отъ исполнительнаго комитета ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III., отъ 3 Марта 1881 г. (т. II л. 47).

Осмотромъ надлежащихъ домовыхъ книгъ и показаніями свидѣтелей Кузьмы Стуликова и Семена Михайлова удостовѣряется, что Арончикъ, подъ именемъ Золотницкаго, проживалъ съ 13 по 26 Февраля 1881 г. въ гостинницѣ „Москва", на углу Невскаго и Владимірскаго проспектовъ, при чемъ въ той же гостинницѣ въ одинъ день съ Арончикомъ поселился и въ одинъ день съ нимъ выбылъ Николай Саблинъ, проживавшій подъ именемъ Фесенко Навроцкаго и застрѣлившійся 3-го Марта въ конспиративной квартирѣ по Тельжной улицѣ. Затѣмъ съ 3 Марта и по день ареста Арончикъ проживалъ подъ тѣмъ же именемъ Золотницкаго по М. Итальянской улицѣ въ д. № 32, кв № 11, и значился прибывшимъ въ эту квартиру изъ Царскаго Села (т. II л. 49, 59, 60).

Обвиняемый Одесскій мѣщанинъ Макаръ Васильевъ Тетерка, по ремеслу столяръ, не получившій никакого образованія, еще 1877 г. принималъ участіе въ происходившихъ въ Одессѣ противозаконныхъ сходкахъ рабочихъ; въ 1879 г. онъ проживалъ въ Кіевѣ, при чемъ по обыску, произведенному 6 Мая того же года у сожителей его по квартирѣ

Предтеченскаго и Красовскаго, найдены были шрокопинъ и разрывные снаряды. Здѣсь же въ Кіевѣ Тетерка встрѣтился съ Желябовымъ, который и побудилъ его принять непосредственное участіе въ революціонной дѣятельности (т. I л. 538, т. II л. 185, т. V л. 100)

Дознаніемъ по настоящему дѣлу обнаружено и обвиняемымъ Тетеркой не отвергается, что въ теченіи 1880 г. и въ Январѣ 1881 г. Тетерка проживалъ въ С.-Петербургѣ, послѣдовательно подъ фамиліями Березина, Николаева и Веселовскаго. При этомъ, называясь Николаевымъ, съ Сентября 1880 г. по Январь 1881 г., онъ жилъ вмѣстѣ съ государственною преступницею Гесею Гельфманъ по Троицкому переулку, въ д. № 27, въ нанятой имъ, по указанію Желябова, конспиративной квартирѣ, гдѣ помѣщалась типографія „Рабочей Газеты.“ Отсюда Гельфманъ переѣхала, вмѣстѣ съ Саблинымъ, на конспиративную квартиру въ Телѣжной улицѣ, а Тетерка, пріобрѣтя лошадь и сани для занятія извознымъ промысломъ, поселился у мѣщанина Якова Михайлова, на Васильевскомъ Островѣ, по 17 линіи, д. № 46 (т. I л. 404, 513, т. IV л. 104, т. V л. 41).

Обвиняемый Прусскій подданный **Мартынъ Рудольфовъ Ланганъ**, уроженецъ гор Херсона, по окончаніи курса въ Херсонской гимназіи, поступилъ въ С.-Петербургскій технологическій институтъ, изъ котораго, не кончивъ курса; вышелъ въ 1872 г., а въ 1874 г. былъ привлеченъ къ дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, но по суду оправданъ; въ 1879 г. онъ былъ задержанъ въ гор. Кіевѣ, подъ именемъ Петрова, въ квартирѣ, гдѣ, по обыску, были найдены разныя запрещенныя изданія; высланный послѣ этого заграницу, онъ, по его собственному объясненію, лѣтомъ 1880 г. вернулся въ Россію и съ тѣхъ поръ жилъ подъ разными фамиліями (т. IV л. 271, т. V л. 175)

21 Апрѣля 1881 г. Ланганъ былъ задержанъ въ Кіевѣ, послѣ того какъ, вмѣстѣ съ обвиняемой Якимовой, явился въ квартиру разыскиваемой по обвиненію въ государственномъ преступленіи мѣщанки Фейги Моревичъ, при чемъ назвался при арестѣ однодворцемъ Кишиневскаго уѣзда Матвѣемъ Гужо (т. V л. 227 и слѣд.).

Обвиняемый **Николай Александровъ Морозовъ**, незаконнорожденный сынъ помѣщика Ярославской губерніи, воспитывался на счетъ своего отца во 2-й Московской гимназіи, изъ 6-го класса которой былъ уволенъ вслѣдствіе привлеченія его къ дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, по каковому дѣлу былъ судомъ Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената, въ числѣ 193 подсудимыхъ, и признанъ виновнымъ въ принадлежности къ противоправительственному тайному сообществу, но, въ виду смягчающихъ его вину обстоятельствъ, ему, по Высочайшему соизволенію, было вмѣнено въ наказаніе содержаніе подъ стражею до суда. Въ Ноябрѣ 1879 года Морозовъ проживалъ въ С.-Петербургѣ вмѣстѣ съ государственной преступницей Ольгой Любатович, бѣжавшей съ мѣста ссылки, подъ именемъ супруговъ Хитрово. Заподозрѣнные полиціей, они были взяты до обнаруженія ихъ личности, подвергнуты домашнему аресту, но, въ ночь на 26 Ноября, успѣли скрыться, при чемъ, по объясненію Морозова, отправились заграницу (т. II л. 275 и 884 т. V л. 104, приговоръ по дѣлу о 193 лицахъ).

Въ Январѣ 1881 г., Морозовъ, подъ именемъ Лакіера, былъ задержанъ въ дер Стопки, Сувалковской губерніи, куда незадолго передъ тѣмъ прибылъ изъ за границы вмѣстѣ съ другими лицами, также какъ и Морозовъ, разыскивавшимися по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ. По обыску въ помѣщеніи, гдѣ проживалъ Морозовъ, были найдены въ значительномъ количествѣ экземпляры заграничныхъ изданій противоправительственнаго содержанія, въ томъ числѣ и написанныя самимъ Морозовымъ брошюра подъ заглавіемъ „Террористическая борьба“ и революціонныя стихотворенія (л. 23 и слѣд. дозн. о Лакіерѣ).

Обвиняемая дочь [illegible] Сувалкскаго [illegible] народнаго училища **Людмила Дементьева Терентьева**, уроженка Херсонской губерніи, воспитывалась на казенный счетъ въ [illegible] женской гимназіи и по окончаніи въ 1878 г. курса, 16 лѣтъ отъ роду, по собственному ея показанію, вступила въ [illegible] революціонную партію,“ отдѣленія которой членомъ которой она называетъ себя, обучалась въ

[illegible] принадлежности къ террористической фракціи, обвиняемая [illegible] что [illegible] въ тайной типографіи и [illegible] къ жизни—революціонной [illegible] т. IV л. 82, т. V л. 270).

[illegible] домовыхъ книгъ и показаніями свидѣтелей Андрея Никонова, [illegible] Фохть и Прокофія Яковлева, а также и [illegible] самой Терентьевой удостовѣрено, что она жила въ Петербургѣ со ст. 11 Апрѣля по 3 Мая 1880 г.—по Малой Подъяческой ул. № 53, подъ именемъ Елены Климовичъ, б. отсюда переѣхала въ д. № 11, кв. № 21, по Подольской улицѣ, гдѣ подъ тѣмъ же именемъ, проживала вмѣстѣ съ Кибальчичемъ, который назывался Алексѣевымъ и выѣхалъ съ 6 Ноября 1880 года до дня своего ареста, 2 Мая 1881 г., Терентьева подъ именемъ Авдотьи Трофимовой жила на углу Подольской ул. и Мал. Царскосельскаго проспекта, д. № 14/42 кв. 31, въ квартирѣ супруговъ Пришибиныхъ (т. IV л. 79, 116, 120, 122, 216).

Послѣ того, какъ 2 Мая 1881 г., Терентьева была арестована на улицѣ подъ именемъ Маріи Кастецкой, 5 Мая послѣдовало обнаруженіе вышеупомянутой квартиры, на углу Подольской улицы, въ д. № 14/42, изъ которой хозяева ея, проживавшіе подъ именемъ Берейскихъ мѣщанъ Григорія и жены его Надежды Пришибиныхъ, успѣли скрыться и до настоящаго времени остались неразысканными. Квартира оказалась, такъ называемою, конспиративною, и, повидимому, представляла собою помѣщеніе тайной типографіи „Народной Воли“ и сборный пунктъ участниковъ преступнаго сообщества, послѣ злодѣянія 1 Марта. Поводомъ къ обнаруженію означенной квартиры послужило то обстоятельство, что Прокофій Яковлевъ, дворникъ дома № 14/42 на углу Подольской улицы, вызванный въ секретное отдѣленіе при Управленіи С.-Петербургскаго Градоначальства для предъявленія ему, въ числѣ другихъ дворниковъ, арестованной наканунѣ Кастецкой-Терентьевой, заподозрилъ въ ней сожительницу Пришибиныхъ, Трифонову, вслѣдствіе чего полицейскіе розыски и были направлены на упомянутую квартиру (т. IV л. 79, 122, 163).

По осмотру квартиры Пришибиныхъ въ ней оказалась вся обстановка типографскихъ работъ, типографскія принадлежности въ полномъ составѣ, разныя изданія преступнаго содержанія въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, посящія слѣды свѣжей отпечатки и множество вещественныхъ доказательствъ преступной террористической дѣятельности, изъ числа которыхъ обращаютъ на себя особенное вниманіе: 1) девять стеклянныхъ банокъ, наполненныхъ чернымъ динамитомъ, количествомъ всего до 4 пудовъ 15 фунтовъ, совершенно сходнымъ съ тѣмъ, который былъ заложенъ въ минѣ, выведенной изъ лавки Кобозева; 2) готовый метательный снарядъ, устроенный по той же системѣ, какъ и снаряды, употребленные при злодѣяніи 1 Марта; 3) граната, заряженная порохомъ и картечью, съ проведеннымъ къ ней стопиномъ; 4) яды—оній, стрихнинъ и тѣлистый калій, 5) два кинжала, четырехгранный стилетъ и 9 такъ называемыхъ, финскихъ матросскихъ ножей; 6) два револьвера, револьверные патроны и большое количество дроби; 7) бланки для письменныхъ видовъ и 8) разныя шифрованныя письма и записки (т. IV л. 86 и 265, т. V л. 169, 301 и 375).

Изъ показанія свидѣтельницы Маріи Миссюро, между прочимъ, видно, что Терентьева приходила къ Григорію, проживавшему, до своего ареста, въ содержимыхъ свидѣтельницею меблированныхъ комнатахъ въ домѣ № 66, по Невскому проспекту и при этомъ принесла съ собой какой-то узелъ (т. VI л. 295).

По заключенію экспертовъ вышеупомянутыя найденныя у обвиняемаго Исаева записки о приготовленіи нитроглицерина и динамита писаны Терентьевою (Т. IV л 367).

Обвиняемая дочь Коллежскаго Совѣтника Татьяна Иванова Лебедева, уроженка г. Богородска, Московской губерніи, окончила курсъ въ Московскомъ Николаевскомъ институтѣ, гдѣ воспитывалась на казенной счетъ; была осуждена по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, но, въ виду смягчающихъ вину ея обстоятельствъ, ей, съ Высочайшаго соизволенія вмѣнено было въ наказаніе предварительное содержаніе подъ стражею. По объясненію Лебедевой, находясь въ Москвѣ, въ Маѣ 1879 г., и вращаясь среди революціонныхъ дѣятелей, она знала о замыслѣ ихъ совершить убійство

сыскнаго агента Рейнштейна. Обвиняемая начала проживать нелегально со времени своего двухдневнаго содержанія подъ стражею, при розыскахъ, производившихся въ въ Петербургѣ въ Августѣ 1878 года послѣ убійства Генералъ-Адъютанта Мезенцова **(т. VII л. 6 и слѣд).**

По осмотру подлежащихъ домовыхъ книгъ оказалось, что Лебедева съ 17-го Іюня 1881 г. и до дня ареста (3-го Сентября) проживала въ С.-Цетербургѣ на разныхъ квартирахъ подъ именемъ Лидіи Рощиной (т. VII л. 19 и до 21). При задержаніи же ея, у нея, кромѣ паспорта на имя Рощиной, оказался еще и другой видъ на жительство на **имя Софьи Котоминой.**

Обвиняемая дочь священника **Анна Васильева Якимова**, уроженка Уржумскаго уѣзда, Вятской губерніи, по окончаніи курса въ Вятскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ, была учительницей сельской школы въ селѣ Камышинцевѣ, Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи, послѣ чего была привлечена, судима и оправдана по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи (т. V л. 109, т. VI л. 172, приговоръ по дѣлу о 193 лицахъ).

21 Марта 1881 года Якимова была задержана вмѣстѣ съ обвиняемымъ Лангансомъ въ г. Кіевѣ, при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ въ квартирѣ Фейги Морейнисъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго:

I. Дворяне: Александръ Дмитріевъ **Михайловъ**, 25 лѣтъ; Николай Николаевъ **Колодкевичъ**, 31 года: Михаилъ Николаевъ **Тригони**, 30 лѣтъ: Александръ Ивановъ **Барановъ**, 23 лѣтъ; отставной флота Лейтенантъ Николай Евгеніевъ **Сухановъ**, 29 лѣтъ; отставной Прапорщикъ Фердинандъ Осиповъ **Люстигъ**, 27 лѣтъ; отставной Коллежскій Регистраторъ Николай Васильевъ **Клѣточниковъ**, 34 лѣтъ, сынъ фельдшера Михаилъ Федотовъ **Кроленко**, 33 лѣтъ: сынъ почтальона Григорій Прокофьевъ **Исаевъ**, 24 лѣтъ сынъ псаломщика Иванъ Пантелеймоновъ **Емельяновъ**, 20 лѣтъ; сынъ дьякона Петръ Васильевъ **Тычининъ**, 26 лѣтъ; купеческій сынъ Григорій Михайловъ **Фроленко**, 26 лѣтъ; солдатскій сынъ Василій Аполлоновъ **Меркуловъ**, 21 года, мѣщане: Левъ Соломоновъ **Златопольскій**, 33 лѣтъ: Айзикъ Борисовъ **Арончикъ**, 22 лѣтъ: Макарь Васильевъ **Тетерка**, 28 лѣтъ: Николай Александровъ **Морозовъ**, 26 лѣтъ; русскій подданный Мартынъ Рудольфовъ **Лангасъ**, 29 лѣтъ: дворянка Елизавета Николаева **Оловенникова**, 23 лѣтъ; дочь Титулярнаго Совѣтника Людмила Дементьева **Терентьева**, 20 лѣтъ; дочь Коллежскаго Совѣтника Татьяна Иванова **Лебедева**, 29 лѣтъ, и дочь священника Анна Васильева **Якимова**, 26 лѣтъ, обвиняются въ томъ, что вступили въ тайное сообщество, именующее себя „русской соціально-революціонной партіею", имѣющее цѣлью ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій [illegible] государственный и общественный строй, при чемъ преступная дѣятельность этого сообщества проявилась въ рядѣ посягательствъ на жизнь Священной Особы въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, въ убійствахъ и покушеніяхъ на убійство должностныхъ лицъ и вооруженныхъ сопротивленіяхъ властямъ.

II. Изъ числа вышепоименованныхъ лицъ, нижеслѣдующія обвиняются въ томъ, что, дѣйствуя для достиженія вышеуказанной преступной цѣли упомянутаго сообщества:

1) **Михайловъ** въ Мартѣ 1879 года, въ С.-Петербургѣ участвовалъ съ другими лицами въ составленіи посягнуть на жизнь въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и въ обсужденіи плана означеннаго злодѣянія, во исполненіе какового плана, 2 Апрѣля 1879 года, послѣдовало, извѣстное для Михайлова покушеніе на цареубійство, совершенное нынѣ казненнымъ государственнымъ преступникомъ Соловьевымъ.

2) **Фроленко, Лебедева Колодкевичъ и Меркуловъ** въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1879 года намѣревались, съ цѣлью посягательства на жизнь въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, заложить мину на 11-й верстѣ Одесской желѣзной дороги для взрыва цар-

митомъ поѣзда, въ которомъ имѣлъ слѣдовать ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, сдѣлали всѣ необходимыя къ тому приготовленія.

3) Якимова, Тетерка и Исаевъ—въ Ноябрѣ 1879 года, близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, съ тою же преступною цѣлью, вмѣстѣ съ другими лицами, желавшими [illegible] Лозово-Севастопольской желѣзной дороги мину, для взрыванія [illegible] слѣдовать въ Бозѣ почившій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, [illegible] 1879 того же [illegible] проходѣ означеннаго поѣзда, соучастниками [illegible] была [illegible] предложенная къ минѣ гальваническая цѣпь, при чемъ, однако же, по обстоятельствамъ, отъ нихъ независѣвшимъ, взрыва не произошло.

4) Михайловъ, Арончикъ, Исаевъ, Баранниковъ и Морозовъ—съ тою же преступною цѣлью, принимали, вмѣстѣ съ другими лицами, участіе въ устройствѣ подкопа и мины, для взрыванія динамитомъ полотна Московско-Курской желѣзной дороги, близъ города Москвы, при слѣдованіи ИМПЕРАТОРСКАГО поѣзда, во время каковаго слѣдованія, 19 Ноября 1879 г., и былъ произведенъ предположенный взрывъ, не причинившій, однако же, по обстоятельствамъ, отъ обвиняемыхъ независѣвшимъ, никакого вреда лицамъ, находившимся въ упомянутомъ поѣздѣ.

5) Исаевъ—съ тою же преступною цѣлью, изготовилъ мину, которою, завѣдомо для него, 5-го Февраля 1880 года, былъ произведенъ взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ въ то время пребывалъ въ Бозѣ почившій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, каковой взрывъ не достигъ, однако же, по обстоятельствамъ, независѣвшимъ отъ обвиняемаго, вышеуказанной цѣли.

6) Исаевъ, Якимова, Златопольскій и Меркуловъ—для той же преступной цѣли, весной 1880 года, въ гор. Одессѣ, умысливъ, вмѣстѣ съ другими лицами, произвести взрывъ при слѣдованіи въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, по Итальянской улицѣ, сдѣлали всѣ необходимыя къ тому приготовленія.

7) Исаевъ, Михайловъ, Баранниковъ, Тетерка и Меркуловъ—для той же преступной цѣли, лѣтомъ 1880 года, въ гор. С.-Петербургѣ, заложили подъ Каменнымъ мостомъ, въ Екатерининскомъ каналѣ, мину, для производства динамитомъ взрыва, при слѣдованіи въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА чрезъ означенный мостъ.

8) Исаевъ, Колодкевичъ, Баранниковъ, Фроленко, Григоній, Сухановъ, Емельяновъ, Меркуловъ, Ланганзъ, Тычининъ, Якимова и Оловенникова—согласившись между собою и съ другими лицами посягнуть на жизнь въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, во исполненіе такого умысла, во 2-й половинѣ 1880 и въ 1-й половинѣ 1881 года, а) учредили постоянное наблюденіе за проѣздами ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА по улицамъ города С.-Петербурга, послѣ чего: б) изъ подвальной лавки въ домѣ графа Мендгдена, по Малой Садовой, былъ проведенъ подкопъ подъ означенную улицу, съ устроеніемъ въ немъ мины, для производства взрыва при слѣдованіи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и въ 1 Марта 1881 года, при проѣздѣ въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА по набережной Екатерининскаго канала, были брошены два метательныхъ взрывчатыхъ снаряда, изъ которыхъ взрывъ втораго причинилъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ тяжкія поврежденія, повлекшія за собою кончину ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, при чемъ изъ поименованныхъ обвиняемыхъ:

Тычининъ и Оловенникова участвовали, подъ руководствомъ нынѣ казненной государственной преступницы Софіи Перовской, въ вышеупомянутомъ наблюденіи за проѣздами ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА;

Якимова, подъ именемъ Коболевой, была хозяйкой сырной лавки, изъ которой былъ проведенъ вышеозначенный подкопъ подъ улицу Малую Садовую;

Меркуловъ служилъ въ этой лавкѣ въ качествѣ приказчика, а также переносилъ въ нее разныя приспособленія для проведенія подкопа и устройства мины;

Колодкевичъ, Баранниковъ, Тригони, Фроленко, Сухановъ и Лангансъ работали при проведеніи означеннаго подкопа, а **Сухановъ**, кромѣ того, изготовилъ зарядъ для взрыва устроенной въ томъ подкопѣ мины;

Лебедева участвовала въ снаряженіи упомянутаго заряда;

Сухановъ и Исаевъ участвовали въ изготовленіи вышеупомянутыхъ метательныхъ снарядовъ, послужившихъ орудіями цареубійства и, наконецъ,

Емельяновъ, вооруженный однимъ изъ такихъ метательныхъ снарядовъ, находился на Екатерининскомъ каналѣ, на мѣстѣ совершенія этого злодѣянія, для принятія въ немъ непосредственнаго участія.

Означенныя преступленія предусмотрѣны ст. 241, 242, 243 и 249 улож. о наказ. угол. и испр. изд. 1866 года.

III. Сверхъ перечисленныхъ обвиненій, нижепоименованныя лица обвиняются еще въ томъ, что для способствованія достиженію вышеуказанной преступной цѣли тайнаго сообщества, именующаго себя „русской соціально-революціонной партіей“:

1) **Баранниковъ**—по предварительному соглашенію съ другими лицами, участвовалъ 4 Августа 1878 года въ лишеніи жизни Шефа Жандармовъ Генералъ-Адъютанта Мезенцова, при чемъ находился на мѣстѣ совершенія этого преступленія и произвелъ изъ револьвера выстрѣлъ въ сопровождавшаго покойнаго Генерала Мезенцова отставнаго подполковника Макарова;

2) **Терентьева**—для доставленія названному преступному сообществу денежныхъ средствъ, въ Іюнѣ 1879 года, въ городѣ Херсонѣ, принимала участіе, вмѣстѣ съ другими лицами, въ тайномъ похищеніи изъ Херсонскаго губернскаго казначейства казенныхъ денегъ на сумму болѣе полутора милліона рублей, при чемъ, для совершенія означенной кражи, были произведены проломъ каменной стѣны, подкопъ подъ зданіе казначейства и взломъ запоровъ у сундуковъ, въ которыхъ хранились деньги, и, наконецъ,

3) **Фроленко, Лебедева, Фриденсонъ и Меркуловъ** — для той же указанной въ предъидущемъ пунктѣ цѣли, умысливъ, вмѣстѣ съ другими лицами, похитить казенныя деньги изъ Кишиневскаго губернскаго казначейства, въ Декабрѣ 1880 и въ Январѣ 1881 г. начали проводить подкопъ подъ зданіе означеннаго казначейства, но намѣренія своего, по независѣвшимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, не успѣли привести въ исполненіе.

Означенныя преступленія предусмотрѣны ст. 9, 13, 1454 и 1647 улож. о нак. угол. и испр. изд. 1866 года.

По вышеозначеннымъ обвиненіямъ, согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 9-й день Декабря 1881 г., и на основаніи ст. 1032 и 1052 уст. угол. суд. 2 изд. ч. XV т. Св. Зак. изд. 1876 года, по продолж. 1879 года, поименованные выше: Александръ Михайловъ, Николай Колодкевичъ, Михаилъ Тригони, Александръ Баранниковъ, Николай Сухановъ, Фердинандъ Люстигъ, Николай Клѣточниковъ, Михаилъ Фроленко, Григорій Исаевъ, Иванъ Емельяновъ, Петръ Тычининъ, Григорій Фриденсонъ, Василій Меркуловъ, Левъ Златопольскій, Айзикъ Арончикъ, Макаръ Тетерка, Николай Морозовъ, Мартынъ Лангансъ, Елизавета Оловенникова, Людмила Терентьева, Татьяна Лебедева и Анна Якимова предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, съ участіемъ сословныхъ представителей.

Составленъ Декабря 30-го дня 1881 года, въ городѣ С.-Петербургѣ.

Подлинный подписалъ: Исполняющій обязанности Прокурора при Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ *П. Муравьевъ.*

Съ подлиннымъ вѣрно:

Копія

СПИСОКЪ

обвиняемыхъ, свидѣтелей и экспертовъ, вызываемыхъ къ судебному слѣдствію по дѣлу о 22-хъ лицахъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ.

Званія, имена и фамилія.	Мѣсто жительства
ОБВИНЯЕМЫЕ:	
1) Дворянинъ Александръ Дмитріевъ **Михайловъ**, 25-ти лѣтъ.	
2) Дворянинъ Николай Ивановъ **Колодкевичъ**, 31-го года.	
3) Дворянинъ Михаилъ Николаевъ **Тригони**, 30-ти лѣтъ.	
4) Дворянинъ Александръ Ивановъ **Баранниковъ**, 23-хъ лѣтъ.	
5) Отставной флота Лейтенантъ Николай Евгеньевъ **Сухановъ**, 29-ти лѣтъ.	
6) Отставной Прапорщикъ Фердинандъ Осиповъ **Люстигъ**, 27-ми лѣтъ.	
7) Отставной Коллежскій Регистраторъ Николай Васильевъ **Клѣточниковъ**, 34-хъ лѣтъ.	
8) Сынъ фельдфебеля Михаилъ Федоровъ **Фроленко**, 33-хъ лѣтъ.	
9) Сынъ почтальона Григорій Прокофьевъ **Исаевъ**, 24-хъ лѣтъ.	
10) Сынъ псаломщика Иванъ Пантелеймоновъ **Емельяновъ**, 20-ти лѣтъ.	
11) Сынъ діакона Петръ Васильевъ **Тычининъ**, 26-ти лѣтъ.	
12) Купеческій сынъ Григорій Михайловъ **Фриденсонъ**, 26-ти лѣтъ.	
13) Солдатскій сынъ Василій Аполлоновъ **Меркуловъ**, 21-го года.	
14) Мѣщанинъ Левъ Соломоновъ **Златопольскій**, 33-хъ лѣтъ.	
15) Мѣщанинъ Айзикъ Борисовъ **Ароничикъ**, 22-хъ лѣтъ.	
16) Мѣщанинъ Макаръ Васильевъ **Тетерка**, 28-ми лѣтъ.	

Въ С.-Петербургскій

17) Прусскій подданный Мартынъ Рудольфовъ **Лангансъ**, 29-ти лѣтъ.	Въ С.-Петербургской крѣпости.
18) Мѣщанинъ Николай Александровъ **Морозовъ**, 26-ти лѣтъ.	
19) Дворянка Елизавета Николаева **Оловенникова**, 23-хъ лѣтъ.	Въ С.-Петербургскомъ домѣ предварительнаго заключенія.
20) Дочь Титулярнаго Совѣтника Людмила Дементьева **Терентьева**, 20-ти лѣтъ.	Въ С.-Петербургской крѣпости.
21) Дочь Коллежскаго Совѣтника Татьяна Иванова **Лебедева**, 29-ти лѣтъ, и	
22) Дочь священника Анна Васильева **Якимова**, 26-ти лѣтъ.	Въ С.-Петербургскомъ домѣ предварительнаго заключенія.
СВИДѢТЕЛИ:	
1) Отставной Подполковникъ Николай Михайловичъ **Макаровъ** въ С.-П.-Бургѣ	Въ 1878 г. проживалъ въ квартирѣ Ген.-Адъют. Мезенцова.
2) Коллежскій Совѣтникъ Константинъ Александровичъ **Бодиско**.	Въ С.-Петербургѣ, Спасской части, 1-го участка, по Михайловской площади, въ собственномъ домѣ.
3) Мѣщанинъ Платонъ **Матвѣевъ**.	Въ С.-Петербургѣ, Спасской части, 2-го участка, по Фонтанкѣ, д. № 37, посыльный № 102.
4) Жена рижскаго мѣщанина Надежда Иванова **Штуцеръ**.	Въ С.-Петербургѣ, Казанской части, 1-го участка, по Гороховой улицѣ, на углу Казанской, д. № 15.
5) Баварскій подданный Савелій **Крахъ**.	Въ С.-Петербургѣ, Казанской части, 1-го участка, по Новому переулку, домъ № 4.
6) Жена безсрочно-отпускнаго рядоваго Аристина Григорьева **Ритовская**.	Въ С.-Петербургѣ, Коломенской части по Могилевской улицѣ домъ № 14.
7) Приставъ гор. Кишинева Порфирій **Дунскій**.	Гор. Кишиневъ, чрезъ Кишиневское Городское Полицейское Управленіе.
8) Мѣщанинъ Берко Мошковъ **Кравецъ**.	Въ гор. Кишиневѣ, по Харламповской ул., гостинница „Одесса“.
9) Швейцарскій подданный Карлъ Яковлевъ **Самодинъ**.	Въ гор. Кишиневѣ, въ зданіи духовнаго училища.
10) Мѣщанинъ Ерофей Леонтьевъ **Ковригa**.	На станціи „Карантинъ“ Одесской желѣзной дороги.
11) Начальникъ 1-й дистанціи Одесскаго участка юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, инженеръ-архитекторъ Антонъ **Щегельскій**.	Въ гор. Одессѣ, чрезъ Правленіе Общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ.
12) Дорожный мастеръ, отставной ефрейторъ Семенъ **Корабельниковъ**.	Тоже.

13) Жена желѣзнодорожнаго сторожа Александра Константинова **Иванова.**	Тоже.
14) Мѣщанинъ Тимофей Родіоновъ **Бовенко.**	Гор. Александровскъ, Екатеринославской губерніи, въ собственномъ домѣ.
15) Мѣщанка Марья Сидорова **Бовенко.**	
16) Московская мѣщанка Анна Трофимова.	Въ гор. Москвѣ, Рогожской части, 7 квартала, въ собственномъ домѣ.
17) Московскій мѣщанинъ Василій Ивановъ **Кононовъ.**	Въ гор. Москвѣ, Рогожской части, 3-го квартала, въ собственномъ домѣ.
18) Московская ремесленница Екатерина Дмитріева **Григорьева.**	Въ гор. Москвѣ, Яузской части, 2-го квартала, домъ Ляшкевича.
19) Жиздринская мѣщанка Ирина Кузьмина **Сѣдакова.**	Въ гор. Москвѣ, Яузской части, домъ Кузьмина.
20) Крестьянинъ Московской губ., Волоколамскаго у., дер. Дунилова Петръ **Николаевъ.**	Въ Москвѣ, Мясницкой ч., 2-го кварт. д. Бѣляева, въ номерахъ Кузовлева.
21) Крестьянинъ Московской губ., Волоколамскаго у., дер. Дунилова Василій **Егоровъ.**	Въ гор. Москвѣ, близь Никитинскихъ воротъ, по Леонтьевскому переулку, въ д. Воейковой.
22) Московская мѣщанка Прасковья **Никифорова.**	Въ гор. Москвѣ, по Тверской ул., въ домѣ Каренина.
23) Угличскій мѣщанинъ Николай Павловъ **Казиміровъ.**	Въ С.-Петербургѣ, по Б. Подъяческой д. № 37.
24) Одесскій купеческій сынъ Вильгельмъ Ааронов **Галка.**	Въ гор. Одессѣ, по Итальянской ул. въ д № 47.
25) Одесскій мѣщанинъ Соломонъ Ааронов **Лихтенштейнъ.**	Въ гор. Одессѣ, по Соборной площади въ д. Попудовой.
26) Вдова дьякона Варвара Николаева **Симборская,** фельдшерица.	Въ гор. Одессѣ, въ городской больницѣ.
27) Крестьянинъ Кіевской губ., Сквирскаго у., дер. Березово Парфентій Никитинъ **Малаховскій.**	
28) Крестьянинъ Тверской губ., Бѣжецкаго у., села Сукромина Никифоръ **Самойловъ.**	Въ С.-Петербургѣ, дворники дома Графа Менгдена, по М. Садовой улицѣ.
29) Крестьянинъ Тверской губ., Бѣжецкаго у., села Сукромина Никифоръ **Ульяновъ.**	
30) Крестьянинъ Калужской губ., Мосальскаго уѣзда, села Добрики Филинъ Ефимовъ **Гимошкинъ.**	С.-Петербургъ, Фонтанка, д. № 62.
31) Смотритель Кіевскаго тюремнаго замка, Капитанъ Георгій **Ковальскій.**	Въ гор. Кіевѣ, въ мѣстномъ тюремномъ замкѣ.

32) Надзиратель того же замка, рядовой Бенедиктъ **Незаконнорожденный**.	Въ г. Кіевѣ, въ мѣстномъ тюремномъ замкѣ.
33) Письмоводитель того же замка отставной Штабсъ-Капитанъ Аристархъ **Литвановъ**.	
34) Коллежскій Ассесоръ Владиміръ Николаевъ **Цвѣтковъ**.	Въ Департаментѣ государственной полиціи.
35) Статскій Совѣтникъ Григорій Григорьевъ **Кирилловъ**.	Въ С.-Петербургѣ, Литейный проспектъ д. № 31.
36) Статскій Совѣтникъ Василій Алексѣевъ **Гусевъ**.	С.-Петербургъ, Пантелеймоновская улица, д. № 10.
37) Вдова Полковника Анна Петрова **Кутузова**.	С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 96, кв. № 35.
38) Минный офицеръ Лейтенантъ **Смирновъ**.	Чрезъ Канцелярію С.-Петербургскаго Оберъ-Полиціймейстера.
39) Лейтенантъ Князь **Гедройцъ**.	
40) Вѣчнаго кузнечнаго цеха мастеръ Никифоръ **Дмитріевъ**.	С.-Петербургъ, Бронницкая ул., д. № 33.
41) Матросъ рѣчной полиціи Ѳедоръ **Жуковъ**, бляха № 89.	Чрезъ Канцелярію С.-Петербургскаго Оберъ-Полиціймейстера.
42) Дворникъ дома № $^{42}/_{14}$ по Подольской улицѣ, запасный унтеръ-офицеръ Прокофій **Яковлевъ**.	Въ С.-Петербургѣ, Подольская улица, д. № $^{42}/_{14}$.
43) Околоточный Надзиратель 4-го уч. Московской ч. Фролъ **Смирновъ**.	Чрезъ Канцелярію С.-Петербургскаго Оберъ-Полиціймейстера.
44) Крестьянинъ Смоленской губ., Гжатскаго у., дер. Цвѣтково Андрей **Якимовъ**.	Въ С.-Петербургѣ, Подольская ул., д. № 11.
45) Дворянка Елизавета Александрова **Фохтъ**.	Въ С.-Петербургѣ, Офицерская ул., д. № 39.
46) Дочь унтеръ-офицера Марія Владимірова **Миссюро**.	Въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 66.
47) Крестьянинъ Тверской губ. и уѣзда, дер. Слободы Семенъ Михайловъ **Михайловъ**.	Въ С.-Петербургѣ, уголъ Невскаго и Владимірской, д. № $^{2}/_{47}$, въ гостиницѣ „Москва“.
48) Крестьянинъ Тверской губ. и уѣзда дер. Слободы Кузьма Ивановъ **Стуленковъ**.	
49) Дворникъ дома №$^{27}/_{1}$ по Троицкому переулку **Усманъ-Булатовъ**.	Въ С.-Петербургѣ, по Троицкому переулку, домъ №$^{27}/_{1}$.
50) Павловскій мѣщанинъ Яковъ Осиповъ **Мануйловъ**.	Васильевскій Островъ, 17 линія, д. № 46, кв. № 21.
51) Купеческій сынъ Григорій **Гольденбергъ**.	За смертью не вызывается.

52) Государственный преступникъ Александръ **Квятковскій.**	За смертью не вызываются.
53) Государственный преступникъ Николай **Рысаковъ.**	
54) Государственный преступникъ Ааронъ **Зунделевичъ.**	Находятся въ вѣдѣніи Департамента государственной полиціи.
55) Государственный преступникъ Людвигъ **Кобылянскій.**	
56) Государственный преступникъ Иванъ **Окладскій.**	
57) Государственный преступникъ Яковъ **Тихановъ.**	
56) Государственный преступникъ Яковъ **Погорѣловъ.**	
57) Государственная преступница Татьяна **Морозова.**	
58) С.-Петербургская мѣщанка Татьяна **Кузьмина** (по приватной фамиліи Фомина).	
59) Оберъ-офицерскій сынъ Николай Николаевъ **Богородскій.**	

ЭКСПЕРТЫ:

1) Начальникъ химической лабароторіи Михайловской артиллерійской Академіи и училища, Генералъ-Маіоръ **Федоровъ.**	Въ С.-Петербургѣ, въ зданіи Академіи.
2) Офицеръ гальванической роты, Капитанъ **Радивановскій.**	Чрезъ Начальника гальванической роты.
3) Ординарный профессоръ химіи С.-Петербургскаго Университета, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Машуткинъ.**	Чрезъ Канцелярію С.-Петербургскаго Университета.

Подлинный подписалъ: Исполняющій обязанности Прокурора при Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ *Н. Муравьевъ.*

Съ подлиннымъ вѣрно: